РОМЭН РОЛЛАН

МАХАТМА ГАНДИ

СЕВТЕАВ
1924

SHOUT
SHARE
IT

- РОМЕН РОЛЛАН
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35

- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79

- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118

РОМЕН РОЛЛАН
МАХАТМА ГАНДИ
(ВОЖДЬ ИНДУССКИХ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ)

Стране славы и рабства,

Стране однодневных царств и вечных мыслей,

Народу, который бросает вызов времени,

Возрожденной Индии.

В годовщину осуждения ее Мессии (18 марта 1922 года).

Приступая к этой работе, я приношу глубокую благодарность сестре моей, бывшей мне верной сотрудницей, и моему другу Калидас Нагу, большие познания и неустанное внимание которого направляли мои шаги по лесу индусской мысли.

Я благодарю также издателя С. Ганесана из Мадраса, который предоставил в мое распоряжение большую часть своих изданий.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ганди — Великая Душа (Махатма), вождь и апостол Индии, индусский Толстой, с той однако разницей, что «Толстой непротивленец усилием воли, Ганди таков по натуре».

Британская политика порабощения Индии заставила его стать во главе национального движения индусов.

Для Ганди это движение прежде всего дело совести; борьба за сварадж (гомруль) — борьба за истину, за справедливость.

Он хочет накормить голодных, защитить униженных, возродить индусскую культуру, — но прежде всего он выполняет нравственный долг, утверждает в мире мистический закон любви: революция для него религиозный подвиг.

Существуют два подхода к миру: подход мистика, для которого мир живая душа, управляемая таинственными силами; высший долг человека — исполнить данный ими завет. Другой подход испытующего наблюдателя: мир — хаос, управляемый имманентными законами развития, человек — частица мира и подчинен общим мировым законам.

На стороне первых не рассуждающая вера. На стороне вторых — пытливый ум.

Неслучайно мистик Ганди отрицает европейскую культуру, не только «сатанинскую цивилизацию» и машинизм Запада, но и самый прогресс и науку. Между пытливым умом и мистическим чувством конфликт неизбежен. Ганди последователен: он отвергает соблазны разума и зовет свой народ к самодеятельной прялке и древней мудрости Вед и Упанишад.

Домашняя прялка воистину является знаменем, которое Ганди несет впереди индусского национального движения. Правда, индусская буржуазия, возглавляющая борьбу за самостоятельность Индии, т.-е. за избавление от конкуренции английской промышленности и за право свободно эксплуатировать естественные богатства и народные массы Индии, видит в прялке символ отечественного производства — и только. Но Ганди серьезно мечтает спасти Индию от Машинизма и вернуть ее к тому благополучию, в котором она; пребывала тысячелетия тому назад. Собранный по предложению Ганди для национального фонда 1 миллион ф. ст. был в большей своей части употреблен на закупку 10 миллионов прялок — самое странное в истории использование революционного фонда!

Разумеется, противоречие между истинными тенденциями буржуазии и реакционным идеализмом Ганди не может долго оставаться скрытым.

Но и помимо того, в индийском национальном движении намечается естественный раскол, и недалеко то время, когда Индия станет ареной напряженной классовой борьбы — случится ли это до национальной победы или после, это безразлично.

Уже сейчас заложен фундамент Коммунистич. Партии Индии, индусские рабочие объединяются в профессиональные союзы, крестьяне — в союз бедняков и крестьянский союз. Ганди — своеобразный революционер, консерватор-мистик, естественно не примкнет в этой борьбе к буржуазии, тенденции которой явно противоположны его намерениям, не примкнет он и к передовому пролетариату и крестьянству. Дело в том, что этот своеобразный народный вождь признает кастовое деление, правда, в несколько урезанном виде; но и самого факта достаточно, чтобы предвидеть ярко реакционную позицию, которую он займет в предстоящей борьбе.

Впрочем, и помимо этого специфически индусского факта, легко предвидеть ту роль, которую этот политик-мистик сыграет в дальнейшей стадии развития индусского движения: Ганди либо вовсе удалится от революции, либо станет в ряды самой отсталой части крестьянства.

Революционная тактика Ганди, как и все его мировоззрение, определяются религиозностью его натуры. Разумеется, наилучшие для спасения души методы не всегда являются самыми рациональными в революционной борьбе. Впрочем, до поры до времени пассивное, сопротивление, — непротивление злу насилием, — представляет собой единственный возможный метод борьбы безоружного народа с вооруженным до зубов британским львом. Но Ганди проповедует этот метод как единственно приемлемый по религиозно-мистическим соображениям. Так объективная необходимость превращается в мистическую добродетель. Конечно, мистическое чувство — плохой компас для революционного вождя. С точки зрения революционной тактики Ганди совершил не мало грубых промахов и бессмысленных упущений. И еще больше промахов и упущений предстоит ему совершить в будущем: социальная обстановка усложняется, и ориентироваться в ней с помощью одного только благочестия делается все трудней и трудней.

Нужно ли подробнее говорить о политических идеалах этого мистика, ставшего революционером? В них много национальной узости и консерватизма. У Ромэн Роллана нет иллюзий на этот счет. Но Роллан нашел в Ганди созвучную душу; он видит свет, источаемый пламенеющим сердцем Ганди — свет непреклонной любви. Самоотверженная любовь — он верит — озарит и спасет мир.

Роллан слишком европеец, чтобы удовлетвориться патриархальной прялкой и средневековым благочестием Ганди. Он любит многогранную культуру человечества, уважает пытливость научных исканий, но слишком эмотивный по натуре, он не может подойти к общественной жизни с напряженной сдержанностью исследователя, чтобы уловить ее закономерности.

«По миру пронесся вихрь насилий», говорит Роллан, и ищет виновных; их много, и между ними — «экономический материализм, от которого, задыхаясь, умирает душа». Как это характерно для идеалиста! Экономический материализм царит в мире — этот факт Роллан признает, но тем хуже для факта: Роллан его «не приемлет», т. е. бичует негодующими словами. Так ребенок бьет ступеньку, о которую расшибся. И надо признать, эта ступенька стоит побоев: много идеалистов расшибла головы и много социальных утопистов поломало ноги о нее. Это мелочь, но характерная для Роллана. В ней, как в капле воды, отражается его детски — наивное, насквозь эмотивное мирощущение.

Несчастье мира Роллан видит в насилии и расточает упреки «реальным политикам насилия (революционерам и реакционерам)».

Что и говорить, насилие неприятная вещь. Но как спасти мир от него? Роллан видит спасение в победе духа над материей: свет любви воцарится в сердцах угнетенных и угнетателей и уничтожит власть «материальных сил, неотвратимый детерминизм экономических условий, сжимающий в своих тисках Европу XX-го века».

На чем основана эта вера? Роллан приводит только одно основание: «В качестве историка мы знаем, что молнии духа прорезывали небеса, более мрачные, чем наши». Загадочная фраза, очевидно, чудо победы духа над материей уже некогда совершилось, вероятно, в первые века христианства. Но почему «неотвратимый детерминизм экономических условий» продолжает сжимать в своих тисках Европу XX-го века? Чудо, стало быть, было маленькое — местное и временное, и, вероятно, очень, маленькое, видимое только через специальные очки историков-идеалистов, для которых впрочем весь исторический процесс является цепью чудес разных калибров — бессильных, увы, при всем обилии побороть, экономический материализм, от которого, задыхаясь умирает душа.

Нет, ссылка на историю явно неудачна, а других оснований Роллан не сообщает.

Очевидно, рациональных оснований для веры в чудеса духа, которые спасут нас от насилия, у Роллана слишком мало, мало

даже для социальной утопии. Можно ли, однако, считать Роллана социальным утопистом? Вот в этом-то вся суть: Роллан отнюдь не является социальным идеологом и хотя он очень решительно осуждает «националистов, фашистов, большевиков, народы и классы угнетенные и их угнетателей», — всех применяющих насилие, и одобряет Ганди и гандистов, но никаких социальных идей он не выдвигает и до социальных масс ему вообще никакого дела нет. Что, например, должен думать и чувствовать социальный идеолог по случаю перехода руководства трехсотмиллионной массой людей в руки человека одного с ним лагеря? Ликовать и надеяться: началось, мол, спасение! А вот как отнесся к такому явлению Роллан: за смертью Тилака, признанного вождя Индии, человека, который говорил, что «политика не создана для святых», что «в политике все справедливо» — руководство индусским национальным движением перешло к Ганди. Радует это Роллана? Ничуть. «Тем хуже для Индии и для самого Ганди» — замечает он. — «Роль вождя меньшинства избранных в нравственном отношении натур соответствовала бы больше его природе и его скрытым желаниям», и в другом месте: «Ганди в глубине души питает недоверие к множеству и отвращение к мобократии, к разнузданной массе, он чувствует себя хорошо только среди немногих». «Ганди буквально страдает от толпы», — эти слова в гораздо большей степени, чем к Ганди, относятся к Роллану и выдают его с головой. Перед нами не социальный утопист, который, плохо ли, хорошо ли, тужится решать общественные вопросы, не социальный алхимик, стряпающий — пусть неумело — элексир на предмет избавления человечества от социальных зол. Перед нами фигура гораздо менее смешная, но и менее трогательная: это просто нравственный аристократ, который заботится не о «спасении человечества», а о чистоте души «избранных в нравственном отношении натур».

Очевидно, Роллан сознает, что для завоевания массами человеческих прав — права на хлеб, на отдых, на уважение, на культурную жизнь — нужна жестокая борьба (недаром он пожалел не только Ганди, но и Индию), но, что ему материальные блага масс — ведь это «экономический материализм, от которого задыхаясь, умирает душа». Он предпочитает стоять вместе с немногими избранными в «стороне от схватки» и вся его философия — если можно так назвать наивную идеологию Роллана — это защита «стояния в стороне». Война всколыхнула социальное самосознание всех классов общества. Страшные преступления капитализма — наглая ложь, война, послевоенный грабеж — взывают об отомщении. Горы должны были задрожать и

сдвинуться с мест. И горы — народные массы — двинулись. Буржуазия сплотилась для отпора, а интеллигенция, оказавшись между двух огней, частью пошла влево, частью вправо, частью пожелала отойти в сторону. Во главе последних очутился Роллан. В белоснежных одеждах стоит эта кучка «избранных в нравственном отношении натур», горестно сокрушаясь по поводу торжества «грубой национальной надменности», с одной стороны, и «власти исступленных идеологий, сделавших своим кумиром революцию», с другой. Искренность и честность идеолога этой кучки — Роллана — бесспорна, но выдадим ли мы им патент на «избранность в нравственном отношении» — это дело вкуса. Быть может, кое-кто и предпочтет им других людей, запятнанных кровью — своей и чужой — «сделавших своим кумиром революцию», столь решительно осужденных Ролланом.

О. А.

Великая душа Махатма…[1]

Человек, который слился с творцом вселенной.

I

Спокойные темные глаза. Маленький тщедушный человек, худое лицо, большие отстающие уши. На голове белый колпак, одежда из грубой белой ткани, босые ноги. Он питается рисом, плодами, он не пьет ничего, кроме воды, он спит на досках, он спит мало, он работает без устали. Кажется, что его тело не идет в счет. Ничто не поражает в нем с первого взгляда, — только ***выражение великого терпения и великой любви.***

Пирсон, который видел его в 1913 г. в Южной Африке, вспоминает о Франциске Ассизском. Он простодушен, как ребенок,[2] мягок и вежлив даже со своими противниками,[3] целомудренно правдив.[4] Он относится к себе со скромностью и щепетильностью, доходящими до того, что начинает казаться, будто он сам сомневается и хочет сказать: «я ошибся»; никогда не скрывает своих заблуждений, никогда не идет на компромисс, не прибегает ни к какой дипломатии, избегает ораторских эффектов или, верней, не думает о них,[5] питает отвращение к народным манифестациям, вызываемым его личностью, во время которых его слабая фигурка была бы наверное когда-нибудь раздавлена, если бы не его друг Маулана Шаукат Али, ограждающий его своим атлетическим телом; в буквальном смысле слова ***страдает от толпы, которая его обожает***;[6] в глубине души питает недоверие к множеству и отвращение к ***мобократии,*** к разнузданной массе; он чувствует себя хорошо только среди немногих и счастлив только в одиночестве, прислушиваясь к still small voice (к слабому внутреннему голосу), который им повелевает…[7]

Таков человек, который поднял триста миллионов людей, поколебал Британскую Империю и в области человеческой политики положил начало движению, самому могущественному за два тысячелетия.

Его настоящее имя — Мохандас Карамшанд Ганди. Он родился в небольшом полу-независимом государстве, на северо-западе Индии, в Порбандаре, ***белом городе,*** на берегу Оманского моря, 2 октября 1869 г. Пылкое, живое племя, вчера еще находившееся в брожении из-за гражданских войн. Племя практичное, обладающее деловым чутьем и избороздившее со своими товарами все земли от Адена до Занзибара. Его дед и отец были оба премьер-министрами, оба были смещены за свою независимость, вынуждены были бежать, и жизни их угрожала опасность. Он происходил из богатой, интеллигентной, культурной среды, но не из высшей касты. Его родители были

приверженцами школы индуизма Джайна; одним из великих принципов этой школы является ***Ахимза,***[8] ***непротивление злу,*** которое ему суждено было победоносно утвердить в мире.

Для Джаинистов любовь в большей степени, чем разум, есть тот путь, который ведет к богу. Отец Махатмы не придавал никакой цены деньгам и мало оставил своим родным, растратив почти все на благотворительность. Мать, сурово религиозная, была индусской святой Елизаветой, соблюдала посты, творила милостыню, ухаживала за больными.

В семье регулярно читали Рамаяну. Его первоначальное воспитание было доверено одному брахману, который заставлял его повторять тексты из Вишну.[9] Но позднее он жаловался, что никогда не был хорошим знатоком санскрита: одна из его претензий против английского воспитания, которое привело его к утрате сокровищ родного языка. Но он очень начитан в индусских писаниях; однако, он читает Веды и Упанишады только в переводах.[10]

Он прошел через серьезный религиозный кризис в то время, когда был еще в школе. Горя возмущением против выродившегося и идолопоклоннического индуизма, он был — вообразил, что был — в течение некоторого времени атеистом. В своем безбожии он дошел с товарищами до того, что стал украдкой есть мясо (самое ужасное святотатство для индуса!). Он думал, что умрет от ужаса и отвращения.[11]

Женившись еще ребенком,[12] он уехал девятнадцати лег в Англию, чтобы завершить свое образование в Лондонском университете и в Школе Правоведения. Его мать не согласилась отпустить его прежде, чем не взяла с него трех обетов Джайна, которые предписывают воздержание от вина мяса и половых сношений.

Он приехал в Лондон в сентябре 1888 г. После первых месяцев неуверенности и разочарований он растратил по своей наивности много времени и денег, чтобы сделаться, как говорит сам, английским джентльменом, — он наложил на себя обязательство строгой **жизни и** сурового труда. Друзья познакомили его с библией; но еще не пришел его час понять ее. Он утомился первыми книгами и не пошел дальше исхода. Напротив, именно в Лондоне открыл он красоты ***Бхагавад Гиты.*** Он был опьянен ею. В ней был тот свет, в котором так нуждался маленький индусский изгнанник. Она вернула ему веру. Он признал, что «для него спасение было возможно лишь через индусскую религию».

Он вернулся в Индию в 1891 г. Печальное возвращение. Его мать только что умерла, и от него скрыли ее смерть. Он стал

адвокатом при верховном суде в Бомбее. Несколько лет спустя, он счел своим долгом отказаться от этой профессии, которую считал безнравственной. Даже в то время, когда он занимался ею, он оставлял за собой право бросать дела, если обнаруживая в них что-нибудь несправедливое.

Уже в эту эпоху выдающиеся индийские личности пробуждали в нем предчувствие его будущей миссии: ***«некоронованный царь»*** Бомбея, парс Дадабхаи и профессор Гокхаль, оба горящие религиозной любовью к Индии; Гокхаль, один из лучших государственных мужей своего отечества и один из первых восстановителей индийского воспитания; Дадабхаи, основатель индийского национализма (по свидетельству Ганди; [13] оба, как и он, учителя мудрости и доброты. Именно этот Дадабхаи, умеряя юношеский пыл Ганди, преподал ему в 1892 г. первый, практический урок ***Ахимзы*** в общественной жизни: героической пассивности, если можно соединить эти два слова, страстного порыва души, которая противится злу не злом, но любовью. Мы вернемся еще к этому магическому слову, к этому возвышенному посланию, с которым Индия обращается к миру.

С 1893 года начинается индийская деятельность Ганди. Она разделяется на два периода: от 1893 до 1914 г. она имеет своим поприщем Южную Африку; начиная с 1914 г., она развертывается в Индии.

То обстоятельство, что эта двадцатилетняя деятельность в Южной Африке почти не встретила отклика в Европе, доказывает только невероятную узость горизонта наших политиков, наших историков, наших мыслителей и наших людей веры: ибо это эпопея души, которой нет равной в наши дни, не только по силе и постоянству самопожертвования, но и по ее победному завершению.

В 1890—91 г. в Южной Африке, главным образом в Натале, жило 150.000 индусов. Наплыв этого чужеземного народа вызвал в белом населении ненависть к иностранцам, которую правительство решило утолить мерами остракизма. Оно хотело воспретить въезд азиатам и вынудить к отъезду тех из них, которые уже обосновались в стране. Систематические преследования сделали для них жизнь невыносимой: обременительные налоги, унизительные полицейские требования, публичные оскорбления и вскоре затем последовавшие линчевание, грабежи и разорения под эгидой белой цивилизации.

В 1893 г. Ганди приехал в Южную Америку, вызванный в Преторию для выступления по важному делу. Он был в полном неведении относительно положения индусов в Африке. С первых же его шагов в Натале, в особенности же в голландском

Трансваале, он подвергся жестоким испытаниям. Этот индус благородной расы, с которым всегда хорошо обходились в Англии и который до тех пор смотрел на европейцев, как на друзей, подвергся самым грубым насилиям: его выбрасывали за двери отелей и поездов, его оскорбляли, били по щекам, давали ему пинки. Он вернулся бы тотчас же в Индию, если бы не заключил контракта, который связывал его на 12 месяцев с его клиентами. В течение этих 12 месяцев он научился власти над самим собой. Но по окончании срока он спешил уехать, когда узнал, что правительство готовит проект закона, который отнимает у индусов последние вольности. Африканские индусы были бессильны бороться, они были лишены воли, неорганизованы, деморализованы. Им нужен был вождь, душа. Ганди принес себя в жертву. Он остался.

С этого времени начинается эпическая борьба духа против государственного засилья и озверевшей толпы. Будучи в это время еще адвокатом, Ганди начал с того, что пытался доказать незаконность акта об азиатском изгнании с юридической точки зрения, и против самой злобной оппозиции он выиграл свое дело, если не фактически, то юридически, перед общественным мнением Наталя и Лондона. Он собирает подписи под огромными петициями, вызывает к жизни индийский конгресс в Натале, организует общество индийского воспитания; несколько позднее он основывает журнал «Indian Opinion», который печатается на английском и на трех индийских языках. Потом, желая обеспечить своим согражданам почетное положение в Африке, он, чтобы иметь возможность лучше защищать их, сливается с ними. Он имел в Иоганнесбурге богатую клиентуру:[14] он оставил ее, чтобы, как Франциск, сочетаться с Нищетой. Он живет общей жизнью с презираемыми и преследуемыми индусами, он делит с ними их испытания и благословляет их ибо он возлагает на них закон непротивления. Он создает в 1904 г. в Фениксе, близ Дурбана, земледельческую колонию, по плану Толстого, перед которым он преклонялся.[15] Он собирает туда индусов, снабжает их земельными участками и заставляет их принять торжественный обет бедности. Сам он выполняет наиболее унизительные работы. Там, в течение долгих лет, этот молчаливый народ оказывает сопротивление правительству. Он удалился из городов; промышленная жизнь страны парализована. Это религиозная стачка, против которой бессильна всякая жестокость, как жестокость императорского Рима была бессильна против первых христиан. Но очень немногие из этих христиан довели свое ученье о прощении и любви до того, чтобы идти, подобно Ганди, на помощь своему врагу, находящемуся в

опасности. Всякий раз, как государству Южной Африки угрожает, серьезная опасность, Ганди отказывается от политики бойкота индусами общественных должностей и немедленно предлагает свою помощь. В 1899 г., во время войны буров, он организовал индийский Красный Крест, который дважды упоминался в приказах по армии, с воздаянием похвал его храбрости под обстрелом. В 1904 г. чума разразилась в Иоганнесбурге: Ганди организовал госпиталь. В 1906 г. туземцы восстали в Натале: Ганди- принял участие в войне, во главе санитарного отряда, и правительство Наталя выразило ему публичную благодарность.

Эти рыцарские услуги не обезоруживали ярости ненавистников иностранцев. Заключенный несколько раз в тюрьму[16] (и даже вскоре после официальных благодарностей Натальского правительства), приговоренный к заточению и каторжным работам, избитый озверевшей толпой,[17] однажды брошенный замертво, Ганди познал все страдания и все унижения. Ничто не поколебало его веры. Она выросла от испытаний. И именно тогда, в 1908 г., он написал в ответ на тактику насилия в Южной Африке свою знаменитую маленькую книгу: ***Хинд Сварадж (индийский Гомруль),*** евангелие героической любви.

Борьба продолжалась в течение двадцати лет и достигла наивысшего напряжения между 1907 и 1914 годами. Правительство Южной Африки настояло на быстром проведении нового азиатского закона, несмотря на оппозицию просвещенных англичан. Тогда Ганди организовал непротивление во всей его полноте. В сентябре 1906 г. индусы, собравшиеся в Иоганнесбурге, дали торжественный обет «пассивного сопротивления». Все азиаты, любой расы, любой касты, любой религии, богатые, как и бедные, — все внесли в него одинаковое самоотречение. Китайцы Африки тесно примкнули к индусам. Их стали сажать в тюрьмы тысячами; за отсутствием достаточно обширных мест заключения, их запирали в каменоломни. Но казалось, что тюрьма имела для них притягательную силу. Генерал Смитс, который их преследовал, дал им название ***Conscientious Objectors.*** Ганди был в заключении три раза.[18] Там были умершие, были мученики. Движение усилилось. В 1913 г. оно распространилось от Трансвааля до Наталя. Грандиозные стачки, страстные митинги, массовое шествие индусов через Трансвааль возбудили общественное мнение Африки и Азии. Негодование охватило Индию, и сам вице-король, лорд Гардинг, выступил в Мадрасе с публичными разъяснениями.

Непоколебимое упорство и магическая власть *великой души* возымели свое действие: сила преклонила колени перед

героической мягкостью.[19] Наиболее ожесточенный противник азиатского дела генерал Смитс, который в 1909 г. заявлял, что никогда не вычеркнет из книги статутов меры, оскорбительной для индусов, сознался, пять лет спустя, что рад ее уничтожить. Имперская Комиссия признала правоту Ганди почти по всем пунктам. В 1914 г. был издан закон, уничтожающий налог в три фунта и дающий право свободного проживания в Натале всем выходцам из Индии, желающим остаться там, в качестве свободных рабочих. После двадцати лет жертв Непротивление победило.

Ганди вернулся в Индию в ореоле вождя.

Движение в пользу национальной независимости давало о себе знать с начала столетия. Тридцатью годами раньше был организован Индийский Национальный Конгресс при содействии нескольких просвещенных англичан: А. О. Юмом, сэром Вильямом Вердербурном, победоносными либералами, которые в течение долгого времени поддерживали его лояльный характер, стараясь согласовать интересы Индии с английским суверенитетом. Победа Японии над Россией пробудила азиатскую гордость, а провокации лорда Керзона задели индусских патриотов. Внутри Конгресса образовалась партия крайних, наступательный национализм которой встретил отклик в стране. Между тем, старая конституционная партия оставалась до мировой войны под влиянием Гокхаля, искреннего патриота, верного, однако, Англии, и национальное чувство, которое с тех пор охватило это Собрание представителей Индии, приводило их всех к требованию гомруля (Сварадж), относительно содержания которого они не были между собой согласны: одни считали желательным сохранить сотрудничество с Англией, другие хотели изгнания из Индии европейцев; одни брали за образец Канаду и Южную Африку, другие — Японию. Ганди внес свое решение вопроса, менее политическое, чем религиозное, более радикальное по существу, чем все остальные (Хинд Сварадж). Но ему не хватало, для приспособления его к реальной жизни, точного знания среды: ибо, если его длительная миссия в Южной Африке дала ему изумительное опытное познание индусской души и несокрушимой силы орудия ***Ахимзы,*** то он оставался все же в течение двадцати трех лет вдали от своей родины. Он сосредоточился и стал наблюдать.[20]

Он был еще так далек от мысли о восстании против Империи, что, когда в 1914 г. разразилась война, он отправился в Англию, чтобы создать там санитарный отряд. «Он честно думал (писал он в 1921 г.), что является гражданином Империи». Он напомнит об этом много раз в своих письмах от 1920 г. ***ко всем англичанам***

Индии: «Дорогие друзья, ни один англичанин не сотрудничал с Империей более тесно, чем я, в течение двадцати девяти лет моей общественной деятельности. Четыре раза я подвергал опасности свою жизнь ради Англии… До 1919 г. я говорил в пользу сотрудничества с искренним убеждением»…

Он не был единственным. Вся Индия в 1914 г. подпала под обаяние лицемерного идеализма этой войны «за право». Настойчиво взывая к ее помощи, английское правительство заманивало ее надеждой на осуществление ее великих чаяний. Этот гомруль, столь желанный, изображался, как одна из ставок войны. В августе 1917 г., умный государственный секретарь по делам Индии Монтэгю обещал Индии ответственное правительство; произошло совещание по индийскому вопросу, и в июле 1918 г. вице-король, лорд Чельмсфорд, подписал вместе с Монтэгю официальный доклад о конституционной реформе. Союзные армии находились в большой опасности в эти первые месяцы 1918 г. Ллойд-Джордж обратился 2 апреля с призывом к народу Индии, и военная конференция, собравшаяся в Дели к концу того же месяца, дала понять, что независимость Индии близка. Индия, в свою очередь, откликнулась на призыв всей массой, и Ганди снова оказал Англии помощь своей лояльностью. Индия дала 985.000 человек; она принесла огромные жертвы. И она ждала, доверчивая, награды за свою преданность.

Пробуждение было ужасно. К концу года опасность миновала; исчезло также и воспоминание об оказанных услугах. Когда перемирие было закончено, правительство не давало уже себе больше труда притворяться. Весьма далекое от того, чтобы дать Индии обещанные свободы, оно отняло те, которые существовали. Билли Раулэта, представленные в Имперский Законодательный Совет в Дели, в феврале 1919 г., свидетельствовали об оскорбительном недоверии к стране, которая только что дала столько доказательств своей лояльности; они увековечивали мероприятия, введенные в Индии на время войны «Актом Защиты Индии», устанавливая тайную полицию, цензуру и все принудительные стеснения настоящего осадного положения.

Обманутая Индия вздрогнула от негодования. Восстание началось.[21] Ганди организовал его.

Он зарылся в предшествующие годы в социальные реформы, занимаясь, главным образом, улучшением положения земледельческих рабочих. И прежде, чем власти успели воспрепятствовать ему, он произвел в Каире в Гуджрате и в Чанпаране в Бехаре победоносный опыт применения того грозного орудия, которое вскоре после этого ему пришлось использовать в национальных битвах: этого страстного

непротивления, столь ему свойственного, которое мы изучим ниже под именем, — данный ему Ганди: *Сатиаграха.*

Но до 1919 г. он оставался во втором ряду и несколько в стороне от индийского национального движения, передовые элементы которого, объединенные в 1916 г. Ани Безант (вскоре отодвинутой назад), признавали теперь своим вождем великого индуса Локаманайю Баль Гангадхар Тилака. Человек редкой энергии, соединяющий в одном железном узле тройное величие ума, воли и характера; более широкий ум, чем Ганди, более глубоко впитавший в себя древнюю азиатскую культуру, ученый, математик, образованный человек, все притязания своего гения отдавший на служение своему отечеству и лишенный, подобно Ганди, всякого личного честолюбия, ожидающий только победы своего дела, чтобы удалиться со сцены и заняться снова своей научной работой. Он был, пока жил, неоспоримым вождем Индии. Что произошло бы, если бы преждевременная смерть не унесла его в августе 1920 г.?.Ганди, который преклонялся перед превосходством его гения, глубоко отличался от него политическими методами, и вряд ли можно сомневаться в том, что, будь Тилак жив, Ганди сохранил бы лишь нечто в роде религиозного руководства движением. Во что вылился бы порыв индийских народов под этим двойным руководством! Ничто не могло бы противостоять ему, ибо Тилак был господином действия, как Ганди господином внутренних сил. Судьба решила иначе: можно пожалеть об этом, из-за Индии и из-за самого Ганди. Роль вождя меньшинства, избранных в нравственном отношении натур, соответствовала бы больше его природе и его скрытым желаниям. Он охотно предоставил бы Тилаку руководство большинством. Он никогда не верил в большинство. Тилак же обладал этой верой. Этот математик в действии верил в число. Он был прирожденным демократом. Он был в то же время смелым политиком, которому нет дела до требований религии. Он говорил, что «политика не создана для *садхусов»* (святых, благочестивых людей). Этот ученый принес бы в жертву, как он заявлял, самую истину во имя свободы своей родины. И этот безупречный человек, в личной жизни которого не было ни одного пятна, не колеблясь, говорил, что в политике все справедливо. Мысль Ганди в этом отношении была менее гибкой. Споры между Тилаком и Ганди, укрепив их глубокое взаимное уважение, привели лишь к тому, что выявили противоположность их методов, другими словами — противоположность самих нравственных законов, которым были подчинены их существования, ибо речь идет о людях, обладавших абсолютной искренностью, для которых методы действия являются точным

отражением методов мышления. Перед лицом Тилака Ганди провозглашает, что если бы он был вынужден выбирать, он пожертвовал бы свободой истине. И сколь бы ни была велика религиозная любовь его к своей родине, он ставит свою религию еще выше, чем родину:

«Я связан с Индией, я обязан ей всем. Я верю в ее миссию. Если она не выполнит ее, это будет для меня час испытания, но я надеюсь, что выдержу его. Моя религия не имеет географических границ. Поскольку жива моя вера, она превышает самую любовь мою к Индии»…[22]

Великие слова, объясняющие все глубоко человечное содержание той борьбы, которую мы сейчас опишем: ибо они делают из апостола Индии, апостола мира, нашего общего согражданина. Ведь это ради всех нас дается бой, открытый четыре года тому назад Махатмой.

Следует заметить, что даже в этот момент, когда он становится во главе революционного движения, направленного против акта Раулэта, он делает это для того, «чтобы отвратить движение от пути насилия». Ибо революция все равно надвигается, и надо взять над ней руководство.

Чтобы хорошо понять то, что затем последовало, надо припомнить, что мысль Ганди, если можно так выразиться, была двухэтажной: религиозный фундамент, весьма значительный, и социальное действие, которое он строит на этой невидимой базе, приспособляя его к реальным возможностям и желаниям страны. Он религиозен по натуре, политик — по необходимости. По мере того, как развитие событий и исчезновение других национальных вождей вынуждают его взвалить на свои плечи тяжелую ответственность управления кораблем во время бури, все сильнее утверждается политический и практический характер его деятельности. Но существенной частью здания всегда остается его подземное святилище: оно обширно и глубоко, и оно приспособлено для совсем иного собора, чем тот, который надо строить наспех; только оно постоянно, остальное временно и предназначено для нужд переходного времени. Важно поэтому познакомиться с этой подземной церковью, где мысль Ганди подобна солидной каменной кладке. Сюда он уединяется ежедневно, чтобы набраться сил для своей деятельности наверху.

Ганди ревностный приверженец религии своего народа, индуизма; но не как ученый, привязанный к текстам, и еще меньше как набожный человек, неспособный к критике, который слепо принимает всякую традицию. Его религия находится под двойным контролем—его совести и его разума.

«Я не делаю фетиша из религии, и я не прощаю любого зла

только из-за того, что оно облечено святым именем…[23] У меня нет никакого желания увлечь за собою хоть единое существо, если я не могу апеллировать к его разуму. Я готов был бы отрицать божественность самых древних ***Шастр,*** если бы они не были убедительны для моего разума»…[24]

Нельзя сказать, чтобы он не видел заблуждений или пороков, в которые впал индуизм на протяжении столетий, и он клеймит их. Но…

«… Я не могу лучше передать моего чувства к индуизму, как сравнив его с чувством, которое я питаю к моей собственной жене. Она волнует меня, как никакая другая женщина в мире. Это не значит, что у нее нет недостатков: я осмеливаюсь сказать, что их гораздо больше, чем я замечаю; но тут есть чувство неразрывной связи. То же и в отношении к индуизму со всеми его недостатками и всеми его ограничениями. Ничто не вдохновляет меня в такой степени, как музыка ***Гиты*** и ***Рамаяны,*** этих единственных книг индуизма, которые я действительно знаю… Мне известны все современные пороки, которые грязнят великие индусские святыни; но я люблю их, несмотря ни на что… Будучи реформатором до конца, я не отбрасываю, однако, ни одного из основных положений индуизма».

Каковы же эти основные истины, которые он принимает? Он перечисляет их вполне определенно в одной статье от 6 октября 1921 г., являющейся его публичным ***Credo:***

«1. Я верую в Веды, Упанишады, Пураны и во все то, что объединяется под именем индусских писаний, и следовательно я верую в Аватары и возрождения.

2. Я верую в ***Варнашрама Дхарма*** (дисциплина каст), но в точном смысле, придаваемом ей Ведами, а не в современном, популярном и грубом.

3. Я верую в покровительство корове, в смысле гораздо более широком, чем общепринятый.

4. Я не отрекаюсь от культа идолов».

Всякий европеец, который остановится при чтении на этих строках ***cedo,*** подумает, что душевный склад, который в них отразился, настолько отличен от нашего, настолько тесно замкнут в оболочку социальных и религиозных доктрин, отдаленных от нас во времени и пространстве, не имеющих никаких точек соприкосновения с нашим миропониманием, что не стоит, пожалуй, читать дальше. Но пусть он все-таки продолжает! Он найдет несколькими строками ниже мысли, которые будут ему более близки:

«Я верую в индусский афоризм, что тот не постиг истин

Шастры, кто не усовершенствовался в Невинности ***(Ахим**за), в Правде **(Сатиа),** во власти над самим собой **(Брахмашария),** и кто не отказался от всякого приобретения и владения богатствами»…

Здесь индусское учение приближается к учению евангелия. И Ганди сознавал эту близость. Его ***Ethical Religion*** заканчивается цитатой из Христа.[25] Когда один английский пастор спросил его в 1920 г., какие книги оказали на него самое сильное влияние, он ответил прежде всего: ***Новый Завет.*** Больше того: по его собственному признанию, ***Нагорной проповеди*** обязан был он тем, что его осенила в 1893 г. идея ***пассивного сопротивления.*** Собеседник спрашивает его, удивленный:

— Неужели она не являлась у вас раньше, при чтении русских книг?

«Нет, — настаивает Ганди. — Я знал, я восхищался до того ***Бхагавад Гитой.*** Но только через Новый Завет постиг я значение пассивного сопротивления. Я был вне себе от от радости, читая его. ***Бхагавад Гита*** укрепила это впечатление; и ***„Царство божие внутри вас“*** Толстого придало ему прочную форму».[26]

Не надо забывать, действительно, что этот верующий — азиат воспитался на Толстом,[27] что он переводил. Рескина[28] и Платона,[29] что он опирается на Торо, восхищается Маццини, читает Эдуарда Карпентера, и что его мозг впитал в себя мысли Европы и Америки. Европеец не имеет никаких оснований чувствовать свою отчужденность от идей Ганди, если только он даст себе труд подойти к ним поближе. Тогда он поймет глубокий смысл этих догматов ***Credo,*** форма которых его удивляет. В особенности два из них как-будто воздвигают непреодолимую преграду между религиозным сознанием Индии и Европы: культ коровы и система каст.[30] Но посмотрим, что они означают с точки зрения Ганди.

Конечно, эти догматы занимают не второстепенное место в его учении. Покровительство корове характерно для индуизма, Ганди даже усматривает в нем одно из самых высоких достижений человеческой эволюции. Почему? Потому что она есть символ, ***«всего под-человеческого мира»,*** с которым человек заключил союзный договор. Она означает «братство между человеком и животным». И, употребляя прекрасное выражение Ганди, «она выводит человеческое существо за пределы его рода. Она осуществляет тождество человека со всем живущим». Если избрана именно корова преимущественно перед другими созданиями, то это потому, что в Индии она является самым лучшим товарищем, источником изобилия; и Ганди видит в «этом кротком животном целую поэму сострадания». Но в культе,

который он ей воздает, нет никакого идолопоклонства, и никто не осуждает более, чем он, этот лишенный доброты фетишизм индусского народа, соблюдающего только букву писания и не проникнутого духом сострадания «к немым созданиям бога». Раз поняв его (а кто понял бы его лучше, чем ***poverello*** из Ассиз! нельзя уже удивляться тому значению, которое придает Ганди этому культу. И он вполне прав, когда говорит, что покровительство корове, в том смысле, какой он ему придает, «есть дар индуизма миру». Ибо к заповеди евангелия: ***люби ближнего, как самого себя,*** он добавляет: ***всякое живое существо есть твой ближний.***

Быть может, еще труднее принять европейскому сознанию систему каст (по крайней мере сознанию сегодняшней Европы: ибо кто знает, что готовит нам будущее развитие общественного строя, демократического только по названию). Я не льщу себя надеждой, что мне удается, излагая разъяснения Ганди, сделать ее приемлемой, и я нисколько к этому не стремлюсь. Но его разъяснения установят с очевидностью, что это верование внушено не идеями гордости и социального превосходства, но лишь мыслью о долге каждого в том, что ему предопределено.

«Я думаю, — говорит Ганди, — что закон наследственности вечен, и что всякая попытка изменить его ведет к полному смятению. ***Варнашрама*** присуща человеческой природе, и индуизм только превратил ее в науку»…

Но он ограничивает классы только четырьмя: ***брахманы*** (класс ученых и духовенства), ***кшатрии*** (военный и правительственный), ***ваишья*** (торговый) и ***шудра*** (рабочие и ремесленники). И он не признает между ними никаких отношений превосходства или подчиненности. Это различные призвания: ничего больше. Обязанности. Никаких привилегий.[31]

«Противно духу индуизма, чтобы человек приписывал себе более высокий ранг или другим более низкий. Все рождены для служения творению: брахман — своим знанием, кшатрий — своей охранительной силой, ваишья — своей коммерческой ловкостью, шудра — своей телесной работой, Это не значит, что брахман должен быть избавлен от физического труда, но что он лучше приспособлен к знанию, ни что шудра не мог бы приобрести всех познаний, но что он с большей пользой будет служить своим телом, и что ему нет надобности завидовать деятельности других. Брахман, который претендовал бы на превосходство из-за того, что он обладает знаниями, был бы за то понижен в ранге, ибо знание его не было бы истинным… Дисциплина каст ***(варнашрама)*** основана на экономии социальной энергии (на ее правильном распределении) и на здоровом самоограничении

человека посредством воли».

Таким образом, она зиждется на «самоотречении», а не на привилегии. Не забудем, впрочем, что через веру в переселение душ природа восстановляет равновесие, на протяжении последовательных существований, возрождая брахмана в виде шудры и обратно.

Вопрос о париях не имеет никакого отношения к вопросу о четырех различных, но равных между собою, кастах. Мы увидим, с какой пылкой страстностью Ганди, не переставая, боролся против этой социальной несправедливости: и это одна из самых волнующих сторон его апостольства. Для него в этом позор индуизма, гнусное извращение истинного учения, грязное пятно, и он страдает от этого невыносимо.

«Я предпочту быть изрезанным на куски, — пишет он, — чем не признать моих братьев из отверженных классов… Я не стремлюсь к возрождению; но если оно свершится, то я хочу возродиться среди „нечистых“, чтобы разделить их обиды и работать для их освобождения»…

Он взял к себе. маленькую девочку из ***нечистых*** и с нежностью говорит об этом прелестном бесёнке, который создавал непогоду и солнечные дни в его доме.

Я сказал достаточно, чтобы показать, под покровом индусского ***Credo,*** большое евангельское сердце. Это Толстой, — но более нежный, более умиротворенный и, если я осмелюсь сказать, более естественный «христианин», в общем смысле этого слова: ибо Толстой был христианином меньше по натуре, чем силою своей воли.

Но где особенно сказывается сходство этих двух людей, где, быть может, влияние Толстого было наиболее действительно, это в осуждении, вынесенном Ганди европейской цивилизации.

Начиная с Руссо, процесс против цивилизации не прекращался; в нем выступали самые свободные умы Европы, и пробужденной Азии стоило только почерпнуть в книгах жалоб, чтобы составить громадное «дело» против своих завоевателей. Ганди не замедлил сделать это, и в ***Хинд Сварадж*** он приводит список этих обвинительных книг, среди которых большинство написано англичанами. Но книга, против которой нет возрождений, это та, которую сама европейская цивилизация написала кровью племен, угнетенных, ограбленных и обесчещенных во имя лживых принципов, и особенно блестящее разоблачение этой лжи, этой жадности, этой жестокости, бесстыдно выставленных на показ перед лицом всего мира, дала последняя война, так называемая «война за цивилизацию». Столь велика была бессознательность Европы, что она привлекла к ней

народы Азии и Африку чтобы они увидели ее наготу. Они увидели ее и оценили.

«Последняя война обнаружила сатанинскую природу[32] цивилизации, которая господствует в современной Европе. Все законы общественной морали были попраны победителями, во имя добродетели. Никакая ложь не считалась слишком неблагородной, когда она могла оказаться полезной. За всеми преступлениями скрывались самые грубые, чисто материальные мотивы. Европа — не христианская страна. Она поклоняется Маммоне».

Вы найдете подобные мысли двадцать раз выраженными на протяжении пятилетия в Индии и в Японии. Даже у тех, которые слишком осторожны, чтобы провозглашать их во всеуслышание, это убеждение выгравировано сейчас в мозгу. И это еще не самый гибельный результат пирровой победы 1918 года. Но Ганди не нужен был 1914 год, чтобы увидеть истинное лицо цивилизации: она показала ему себя без маски за двадцать лет его жизни в Южной Африке. И в своем ***Хинд Сварадж*** в 1908 г. он возвестил, что «современная цивилизация» есть «великий порок».

Это цивилизация только по названию, — говорит Ганди. По выражению индуизма, она является «черной годиной, годиной мрака». Она делает материальное благо единственной целью жизни. Она нисколько не заботится о благе душевном. Она сводит европейцев с ума, она превращает их в рабов денег, она делает их неспособными к миру и даже к внутренней жизни; она является адом для слабых и для трудящихся классов; она подрывает жизнеспособность рас. Эта сатанинская цивилизация разрушится сама собой. Она есть подлинный враг Индии, в гораздо большей степени, чем англичане, которые, как люди, вовсе не злы, но больны своей цивилизацией. Поэтому Ганди нападает на тех из своих соотечественников, которые хотели бы изгнать англичан, чтобы сделать Индию «цивилизованным» на европейский манер государством. Это была бы, — говорит он, — «натура тигра, без самого тигра». Нет, великое и «единственно нужное усилие должно быть направлено к тому, чтобы изгнать западную цивилизацию».

Имеется три класса людей, против которых Ганди восстает с особенной резкостью: чиновники судебного ведомства, врачи и учителя.

Желание устранить последних понятно, ибо они отучили индусов от их собственного языка, от их собственной мысли; они приводят ребенка к национальной деградации. Кроме того, они обращаются только к разуму; они пренебрегают его сердцем, они не обращают внимания на характер. Наконец, они принижают

значение физического труда, и настоящим преступлением является это чисто литературное воспитание народа, 80 процентов которого занято земледелием и 10 процентов промышленностью. — Профессия чиновников судебного ведомства безнравственна. Суды в Индии—это орудие британской власти; она разжигают раздоры между индусами и в общем они только поддерживают и умножают во всей стране ссоры и несогласия. Это весьма выгодное использование дурных инстинктов. — Что касается врачей, то Ганди признается, что был привлечен вначале их профессией, но вскоре он понял, что она недостойна уважения. Медицина Запада занята исключительно тем, чтобы облегчать телесные страдания, но ни в какой мере не заботиться о том, чтобы вырывать с корнем причины болезней, которыми в большинстве случаев являются пороки; можно даже сказать, что она их культивирует, давая испорченным людям средства потакать им с наименьшим риском. Таким образом, она содействует деморализации народа; она изнеживает его своими рецептами «черной магии»,[33] отвращающими его от героической дисциплины тела и духа. Этой фальшивой медицине Запада, которую Ганди часто клеймил с превосходящей всякую меру страстностью, он противополагает настоящую, предохраняющую медицину, которой он посвятил один из своих небольших популярных сочинений: A guide to Health (Спутник здоровья), плод двадцатилетнего опыта. Это трактат столько же моральный, сколь и терапевтический: ибо «болезнь есть результат не только наших поступков, но и наших мыслей», и сравнительно просто указать правила для предупреждения зла, так как «все болезни имеют одно и то же происхождение, будучи обусловлены тем, что люди не следуют естественным законам здоровья. Тело — это обиталище бога. Должно сохранять его в чистоте». Впрочем, в предписаниях Ганди (с чрезмерным упорством отрицающего испытанные лекарства) есть много здравого смысла, но они проникнуты крайний нравственным ригоризмом.[34]

Но душа современной цивилизации (железный век: железное сердце) — машина. Это чудовищный идол. Он должен быть низвергнут. Страстное желание Ганди заключается в том, чтобы современный машинизм был с корнем вырван из Индии. Индии, свободной, но унаследовавшей английский машинизм, он предпочел бы Индию, попрежнему порабощенную английским рынком.

«Все же лучше покупать манчестерские ткани, чем завести в Индии манчестерские фабрики. Индийский Рокфеллер стоил бы не больше, чем всякий другой, Машинизм это великий грех, он порабощает народы… И деньги это яд, подобно половому

разврату…»

Но, спрашивают индусы, захваченные современными идеями, что же станет с Индией без железных дорог, без трамваев, без крупной индустрии? — «А разве она не существовала раньше?» возражает Ганди. «Тысячи лет Индия остается незыблемой, единой, среди изменчивого потока царств. Все остальное прошло. Она сумела завоевать, на протяжении тысяч лет, власть над собой и науку счастья. В этом ей нечему учиться от других. Она не хотела машинизма больших городов. Древний плуг, прялка, старинное туземное воспитание обеспечили ее мудрость и ее благосостояние. Нам надо вернуться к древней простоте, не сразу, конечно, но мало-по-малу, с терпением, подавая пример друг другу…»

Такова сущность мысли, и это важно. Она предполагает отрицание прогресса и почти отрицание европейской науки.[35] Эта средневековая вера грозит таким образом столкнуться с бурным порывом человеческого духа и быть разбитой в куски. Но прежде всего будет, быть может, осторожней сказать не «человеческого духа», но «духа человека»: ибо если можно верить (а я верю) в симфоническое единство мирового духа, то оно слагается из множества различных голосов, из которых каждый исполняет свою партию. И наш молодой Запад, увлекаемый своим ритмом, не задумывается достаточно над тем, что он не всегда дирижировал симфонией, что закон прогресса сопряжен с затмениями, обратными движениями и возобновлениями, что история человеческой цивилизации есть, точнее говоря, история цивилизаций, и что если в каждой цивилизации можно констатировать прогресс (хотя бы изменчивый, хаотичный, с изломами, иногда с остановками), то ни в коем случае нельзя сказать с уверенностью, что какая-нибудь одна из великих цивилизаций выше другой.

Но, не оспаривая здесь европейской догмы прогресса и держась лишь того положения, что все современное движение находится в глубоком противоречии с сокровенными желаниями Ганди, не следует думать, однако, что вера Ганди должна об него разбиться. Это значило бы плохо понимать душу Востока. Гобино говорит, что «азиаты во всех отношениях более упорны, чем мы. Они ждут, если нужно, веками, и их идея, после столь долгого сна, никогда не оказывается ни устаревший, ни утратившей своей силы». Века не могут испугать индуса. Ганди готов к успеху на протяжении ближайших лет. Но он равно готов к нему и на протяжении нескольких столетий. Он не насилует времени. И если время запаздывает, то и он отстает вместе с ним. Если, поэтому, в своей деятельности, он приходит к заключению, что

Индия недостаточно подготовлена, чтобы понять и осуществить радикальные реформы, которые он хотел бы ввести, он сумеет приспособить свою деятельность к реальным возможностям. И мы не удивимся, когда услышим, что этот непримиримый враг машинизма говорит в 1921 г.:

«Я не буду плакать по исчезновению машин; но я нисколько не покушаюсь (в настоящий момент) на машины…»

Или еще:

«Закон полной любви (без исключений и ограничений) есть закон моего существа. Но я не проповедую осуществления этого конечного закона посредством политических мероприятий, мною указываемых… Это значило бы осудить его заранее на неудачу. Ожидать, чтобы масса стала сейчас повиноваться этому закону, было бы неразумно… Я не ясновидящий, я считаю себя всего лишь ***практическим идеалистом»…***

Определение точно: он никогда не требует от людей больше, чем они могут дать. Но он требует от них всего, что они могут дать. И это *все* велико, когда речь идет о народе, подобном народу Индии. Народ, значительный своей численностью,[36] своим историческим возрастом, своей бездонно глубокой душой. Между этим народом и Ганди с первых шагов установилось согласие, они понимают друг друга без слов; Ганди знает, чего он может ждать от него, и этот народ ожидает того, что Ганди от него потребует.

Между ними двумя прежде всего существует формальный договор: ***Сварадж***,[37] индийский гомруль.

«Я знаю, — пишет Ганди, — что ***Сварадж*** является целью, к которой стремится нация, а не самое „непротивление злу насилием“…»

И он доходит до того, что произносит такие слова, поражающие в его устах:

«Я предпочел бы видеть Индию освобожденной посредством насилия, чем рабой, прикованной цепью к насилию своих притеснителей».

Но, поправляется он тотчас же, это значит предположить невозможное: ибо насилие не может освободить Индию; ***Сварадж*** нельзя достигнуть без напряжения душевных сил, которые составляют орудие борьбы, свойственное Индии, орудие любви, силу истины, — ***Сатиаграха****.[38] И гению Ганди удалось, проповедуя ее своему народу, пробудить в нем его истинную природу и его скрытую мощь.

Термин ***Сатиаграха*** был изобретен Ганди в Южной Африке для отличия его метода политической деятельности от метода пассивного сопротивления. Надо настаивать самым решительным

образом на этом различии: ибо именно, как «пассивное сопротивление» (или как «непротивление») европейцы определяют движение Ганди. Ничего не может быть ошибочнее этого. Ни один человек в мире не питает большего отвращения к ***пассивности,*** чем этот неутомимый борец, являющийся одним из самых героических типов «противленца». Душа его движения в ***активном сопротивлении,*** посредством пламенной силы любви, веры и самопожертвования. И эта тройная сила выражается в слове ***Сатиаграха.***

Пусть же робкие души не пытаются укрыть свою трусость под сенью Ганди! Ганди изгонит их из своей общины. Уж лучше насильник, чем трус!

«Там, где нет выбора между трусостью и насилием, я порекомендую насилие… Я культивирую спокойное мужество умирать, не убивая. Но для тех, кто не имеет этого мужества, я хотел бы, чтобы они развили в себе способность убивать и быть убитыми, нежели постыдно бежать от опасности. ***Ибо тот, кто бежит, совершает умственное насилие: он бежит потому, что не имеет мужества быть убитым, убивая.***. Я бы тысячу раз рискнул применением насилия скорей, чем кастрацией целой расы… Я предпочел бы стократ видеть Индию, взявшуюся за оружие, чтобы защищать свою честь, чем остающуюся трусливой свидетельницей своего собственного обесчещения»…[39]

«Но, — прибавляет он, — я знаю, что „непротивление злу насилием“ бесконечно выше насилия, что прощение требует больше мужества, чем наказание. Прощение — украшение воина. Но воздержание от наказания — означает прощение лишь в том случае, когда существует власть наказания. Оно не имеет никакого смысла со стороны существа бессильного… Я не верю, чтобы Индия была бессильна. Сто тысяч англичан не могут испугать триста миллионов человеческих существ… И к тому же, сила не в физических средствах, она кроется в непреклонной воле… Непротивление злу насилием не есть добровольное подчинение — людям, творящим зло. Непротивление противополагает всю силу души воле тирана. Один человек может таким путем бросить вызов власти и привести ее к гибели…»

Но какой ценой? Ценой ***своего*** страдания. Страдание — ***великий закон…***

«Отличие человеческого рода… Неизбежное условие существования. Жизнь зарождается из смерти. Чтобы колос пророс, надо, чтобы семя погибло. Никто и никогда не возвысился, не пройдя через огонь страдания… Никто не может избежать его… Прогресс состоит только в том, что страдание

очищается, что человек избегает сам причинять его… Чем чище становится страдание (личное), тем выше прогресс… Непротивление злу насилием есть сознательное страдание… Я позволил себе предложить Индии древний закон самопожертвования, закон страдания. Риши, которые открыли закон непротивления злу насилием среди самых ужасных насилий, были более великими гениями, чем Ньютон, более великими воинами, чем Веллингтон: они показали бесполезность оружия, которым некогда владели; религия непротивления создана не для одних святых, но для всего человечества. Это закон нашего рода, как насилие есть закон зверей. Дух спит в звере. Человеческое достоинство требует закона, более высокого: силы духа… Я хочу, чтобы Индия осуществляла этот закон, я хочу, чтобы она осознала свою мощь. Она обладает душой, которая не может погибнуть. Эта душа способна бросить вызов матерьяльным силам всего мира».

Возвышенная гордость. Его гордая любовь к Индии требует, чтобы она отвергла недостойное насилие и чтобы она принесла себя в жертву. Непротивление злу насилием — ее родовой герб. Отказавшись от него, она пала бы. И Ганди не мог вынести этой мысли.

«Если бы Индия сделала своим законом насилие, я не стал бы больше жить в Индии; она перестала бы внушать мне какую бы то ни было гордость. Мой патриотизм подчинен моей религии, я цепляюсь за Индию, как ребенок за материнскую грудь, потому что чувствую, что она дает мне духовную пищу, в которой я нуждаюсь. Когда этой пищи не будет, я стану подобен сироте… Я удалюсь в уединенные Гималаи, чтобы там найти убежище моему сердцу, обливающемуся кровью…»

Но он нисколько не сомневается; он верит в Индию, когда в феврале 1919 г. решается начать свою кампанию ***Сатиаграха,*** этого мощного орудия, испытанного им в аграрных движениях 1918 года.

Здесь нет и тени политической революции. Ганди пока еще лоялен. И он останется таковым, поскольку сохранит хоть искру надежды на лояльность Англии. До января 1920 г. он будет отстаивать, — и индийские националисты будут его за это горько упрекать,[40] — принцип сотрудничества с Империей. Он внесет в это сотрудничество всю честность своего убеждения. В этот первый год оппозиции правительству Индии он сможет уверять с полной искренностью лорда Гунтера, что находит приверженцев ***Сатиаграха*** самыми верными конституционными подданными правительства. И понадобится все ограниченное упорство правительства Индии, чтобы заставить ее морального вождя

порвать договор о лояльности, которым он считал себя связанным.

Таким образом, ***Сатиаграха*** вначале представляет собой как бы конституционную оппозицию, почтительное требование, обращенное к правительству. Правительство издало несправедливый закон. ***«Сатиаграхцы»,*** которые в обычное время склоняются перед законами, смело откажутся повиноваться закону, который их бесчестит; и если этого недостаточно, чтобы восстановить справедливость, они оставляют за собой право распространить свое неповиновение на другие законы, вплоть до полного отказа от сотрудничества с государством. Но как характер этого неподчинения отличен от всего того, что подразумевается под этим словом на Западе! Какое исключительное выражение религиозного героизма!

Так как ***«сатиаграхцам»*** запрещено воздействовать на противника насилием (ибо следует исходить из того, что и противник, в свою очередь, искренен: ведь то, что кажется правдой одному, другому может казаться заблуждением, и притом насилие никогда не убеждает,[41] — то надо, чтобы они убеждали противника светом любви, которая излучается из их убежденности, из их самоотречения, из их страданий, принятых на себя свободно и радостно.[42] Неотразимая пропаганда! Посредством нее крест Христа и его маленькой паствы покорил Империю.

Чтобы выявить этот религиозный порыв народа, приносящего себя в жертву во имя вечных благ — справедливости и свободы, — Махатма торжественно открыл движение, назначив на 6 апреля 1919 г. день молитвы и поста, ***Харталь***,[43] для всей Индии. Это было его первым актом.

И этот акт затронул до самых глубин сознание его народа. Он произвел неслыханный эффект. В первый раз все классы объединились в одном действии. Индия нашла себя.

Спокойствие было почти всеобщим. Только в Дели произошло несколько столкновений. Ганди отправился туда, чтобы просветить народ относительно его обязанностей. Но правительство распорядилось арестовать его в пути и препроводить в Бомбей. Слух об его аресте вызвал народные волнения в Пенджабе. В Амритсаре произошли грабежи и несколько убийств. Генерал Дайер прибыл с войсками в ночь на 11 апреля и занял город. Все успокоилось. 13-ое было днем большого индусского праздника. Толпа отправилась на собрание, на место, называемое Джаллианвалла Багх. Она была настроена мирно и насчитывала в своих рядах много женщин и детей. Генерал Дайер накануне ночью запретил всякие митинги, но

никто еще не знал об этом запрещении. Генерал пришел с пушками на Джаллианвалла Багх. Не было сделано никаких предупреждений. Через тридцать секунд по прибытии войск был открыт огонь по беззащитной толпе; он продолжался в течение десяти минут, до тех пор, пока хватило снарядов. Место было окружено высокими стенами; бегство было невозможно. Пятьсот или шестьсот индусов было убито, гораздо больше ранено. Никто не позаботился об убитых и раненых. Военное положение было провозглашено в стране. Режим террора обрушился на Пенджаб. Можно было видеть, как летательные аппараты бросали бомбы в безоружные толпы. Самых уважаемых граждан таскали по военным судам, избивали, заставляли ползать по земле, подвергали позорным унижениям… Казалось, что вихрь безумия обуял английских властелинов. Как-будто закон непротивления злу насилием, провозглашенный Индией, первым делом разжег жестокость Европы до неистовства; Ганди это предвидел. Он не давал обещаний своему народу вести его к победе по гладкой дороге. Он сулил ему кровавый путь. И день Джаллианвалла Багх был только днем крещения.

«Нам придется научиться, — говорит он, — сохранять душевное равновесие при виде не одной тысячи убийств невинных мужчин и женщин, а многих тысяч их, прежде чем Индия достигнет в мире того положения, которое никогда не будет превзойдено. Пусть каждый смотрит на виселицу, как на обычное дело в жизни!»

Военной цензуре удалось в течение нескольких месяцев помешать распространению известий об ужасах Пенджаба за его пределами.[44] Но когда слух о них разнесся по Индии, волна негодования прокатилась по стране; и даже Англия заволновалась. Было начато следствие Комиссией, под председательством лорда Гунтера. Параллельно индийский Национальный Конгресс образовал свою подкомиссию для ведения самостоятельного расследования. Правительство явно было заинтересовано в том (и более дальновидные из англичан это хорошо понимали), чтобы применить строгие кары к виновникам Амритсарской бойни. Ганди не требовал даже и этого. В своей изумительной умеренности он отказывался требовать наказания для генерала Дайера и других виновных офицеров, не переставая в то же время их клеймить. Он не хотел мести. Он не хранил в душе злобного чувства… «Не питают злобы к безумцу. Но надо отнять у него средства причинять зло»… Поэтому он требовал только отозвания Дайера. Но ***quos vult perdere…*** До заключения следствия правительство Индии поспешило провести закон о возмещении ущерба (Indemnity Act),

в целях защиты должностных лиц; и преступные офицеры были не только оставлены на службе, но вознаграждены.

Индия не оправилась еще от этого потрясения, когда второе, событие, еще гораздо более серьезное, чем первое, вопиющее нарушение торжественных обязательств, принятых главой английского правительства, подорвало остаток доверия, которое она могла еще питать к добросовестности европейцев, и открыло путь великой революции.

Европейская война поставила перед мусульманами Индии суровую проблему совести. Они очутились в двойственном положении: между своей лояльностью к Империи и верностью главе своей религии. Они решились стать на сторону Англии лишь после того, как получили от нее обещание, что она не покусится на суверенитет султана или калифа. Мусульманское общественное мнение требовало, чтобы турки удержали за собой Европейскую Турцию и чтобы султан сохранил, наряду с контролем над святыми местами ислама, свой сюзеренитет над Аравией, в тех границах, которые были установлены учеными мусульманами, со включением частей Мессопотамии, Сирии и Палестины. Ллойд-Джордж и вице-король Индии дали формальные обязательства. Когда война окончилась, от этих обязательств ничего не осталось. В течение лета 1919 г. среди мусульман Индии, обеспокоенных сокрушительным миром, который замышлялся, началось недовольное брожение; и оно послужило началом агитации за Калифат.

Она открылась 17 октября 1919 г, ***(Khilafat Day)*** внушительной мирной демонстрацией, за которой последовала месяц спустя (24 ноября) Конференция Калифата в Дели, общая для всей Индии. Ганди председательствовал. Своим проницательным взглядом он тотчас же уловил, что мусульманский вопрос может послужить самым подходящим орудием для создания единения между народами Индии. Это была важная проблема. Англичане всегда рассчитывали на природную вражду между индусами и мусульманами; и Ганди даже обвинял их в том, что они в значительной степени сами ее создавали. Во всяком случае, они ничего не делали, чтобы смягчить ее. Обе религии ребячески провоцировали друг друга. Индусы не пропускали случая запеть, проходя мимо мечети, где молчание является правилом. А мусульмане задевали индусов своими насмешками над их культом коровы. Отсюда возникали ссоры и постоянные стычки, которые поддерживали озлобление. Оба народа не вступали в общение между собой; браки и совместные трапезы были им запрещены. Правительство Индии покоилось на своей уверенности в вечности этого разделения.

Голос Ганди, провозгласившего союз на Конференции Калифата, внезапно пробудил его. С искренним— и тем более искусным — великодушием Ганди объявил, что индусы должны составить одно с магометанами во имя мусульманского дела.

«Индусы, парсы, христиане или иудеи, — говорил он, — кто бы мы ни были, раз мы желаем жить единой нацией, интерес каждого должен быть интересом всех. Единственное соображение, которое идет в счет, это справедливость дела».

Кровь магометан уже смешалась с кровью индусов на месте бойни в Амритсаре. Теперь надо было закрепить союз. Союз без условий. Мусульмане были самым смелым элементом населения Индии. Они первые решились, на этой Конференции Калифата, отказаться от сотрудничества с правительством, если они не получат удовлетворения. Ганди одобрил их. Тем не менее, верный своему духу умеренности, он отказался от бойкота английских товаров, ибо видел в нем одновременно и месть, и признак слабости. Вторая Конференция Калифата в Амритсаре, в конце декабря 1919 г., решила послать депутацию в Европу и отправила вице-королю грозный ультиматум на случай, если будет заключен мир, противный воде Индии. Третья Конференция в Бомбее, в феврале 1920 г., выпустила мусульманский манифест, который клеймил английскую политику и предвещал грозу.

Ганди видел, что она надвигается, и далекий от того, чтобы призывать ее, он делал все, чтобы ее сдержать.

Казалось, что и в Англии наконец поняли опасность. Запоздалыми уступками старались предотвратить ее. ***Акт об индийской реформе,*** основанный на докладах Монтэгю-Чельмсфорда, предоставлял народу Индии больше влияния и ответственности в центральном правительстве и в местных управлениях. Король, в торжественном обращении от 24 декабря 1919 г., дал на него свое согласие, призвал народ и индийских должностных лиц содействовать его проведению и просил вице-короля об амнистии осужденным за политические преступления. Ганди, всегда чувствительный к великодушию, выказал себя тронутым и, усматривая в этих мероприятиях принятое на себя Англией молчаливое обязательство воздать справедливость Индии, посоветовал принять реформы; он считал их недостаточными, но думал, что они могли бы послужить отправным пунктом для более широких легальных завоеваний и что следует честно присоединиться к ним. После горячих дебатов, его мнение восторжествовало на Национальном Конгрессе всей Индии.

Но эта последняя надежда рухнула, как и остальные. Вице-король не обратил никакого внимания на призыв к милосердию,

и тюрьмы открылись, но только для казней, которые довели Индию до предела раздражения. Стало очевидным, что обещания реформ были только приманкой.

В этот момент (14 мая 1920 г.) Индия узнала об условиях мира, катастрофических для Турции. Официальное сообщение вице-короля признавало, что они должны быть тягостны для мусульманских сердец, но призывало их к безропотному подчинению судьбе.

Наконец, в эти самые дни запоздавший с опубликованием официальный доклад следственной комиссии об убийствах Амритсара довершил дело возмущения народной совести.

Все было кончено. Связи порвались.

Комитет Калифата, собравшись в Бомбее 28 мая 1920 г., принял ***Отказ от сотрудничества,*** предложенный Ганди; и индусско-мусульманская конференция Аллахабада вотировала его единогласно 30 июня 1920 г.: она предоставляла вице-королю месячный срок до вступления в силу ультиматума.

Ганди сам написал вице-королю. Он его уведомляет о начавшемся ***Отказе от сотрудничества.*** Он объясняет, почему решил прибегнуть к нему; и мотивы, которые он приводит, любопытны: ибо даже в этот решительный момент он свидетельствует о своем желании не порывать с Англией и о своей надежде привести ее к раскаянию, посредством легальной революции.

«Мне остается, — говорит он, — только два выхода: или отделиться от Англии, или же, если я верю еще в превосходство британской конституции над другими конституциями, заставить правительство воздать нам справедливость. А я еще верю в превосходство британской конституции. И именно поэтому я рекомендую неповинение».

Мы видим, какого великого гражданина Империи не сумела сохранить Англия, ослепленная своей гордостью.

II

28 июля 1920 г. Ганди возвещает Индии, что отказ от сотрудничества будет провозглашен 1 августа; и он назначает на канун этого дня, 31 июля, торжественный ***Харталь*** для подготовки постом и молитвой. Он нисколько не боится гнева правительства. Гораздо больше он опасается народной ярости; и он принимает меры, чтобы порядок и дисциплина царили в индийских рядах.

«Полный отказ в сотрудничестве требует полной организованности. Беспорядок происходит от гнева. Необходимо абсолютное отсутствие насилия. Всякое насилие было бы шагом назад для дела и бесплодной растратой невинных жизней. Прежде всего, пусть соблюдается порядок!»

Тактика отказа от сотрудничества была установлена в течение двух предшествовавших месяцев Ганди и его комитетом отказа от сотрудничества. Было постановлено следующее:

1. Отказ от всех почетных титулов и должностей.
2. Неучастие в правительственных займах.
3. Забастовка судов и судебных деятелей; урегулирование тяжб частными третейскими судами.
4. Бойкот правительственных школ учащимися и семьями.
5. Бойкот Советов конституционных реформ.
6. Непринятие назначений правительства на все официальные должности.
7. Отказ от всех гражданских и военных постов.
8. Пропаганда ***Свадеши,***[45] то-есть, после отрицательной части программы часть созидательная, новый порядок, который должен лечь в основу новой Индии. Мы вернемся к этому ниже.

Это был только первый этап; и здесь обнаруживается—изумительная для европейских революционеров—осторожная мудрость этого человека, который приводит в движение огромную машину индусской революции и удерживает ее как бы висящей в воздухе на первой зазубрине. Здесь не идет речь о ***гражданском неповиновении.*** Ганди знаком с ним. Он изучал его у Торо, которого он цитирует в своих статьях, и он очень заботится о том, чтобы отмежевать его от отказа в сотрудничестве. Гражданское неповиновение — это больше, чем отказ в повиновении, это насилие над законами. «Оно является нарушением, которое может быть с успехом проведено в жизнь только избранным меньшинством, тогда как отказ в сотрудничестве может и должен быть массовым движением». Ганди хочет подготовить народ Индии к неповиновению, но

постепенно; он знает, что он недостаточно готов, и не хочет выпускать из рук узды прежде, чем не будет уверен, что народ приобрел власть над собой. В этой первой программе отказа в сотрудничестве не ставится даже вопрос об отказе в уплате налогов. Ганди ждет, когда пробьет час.

1-го августа 1920 г. он подает сигнал к движению знаменитым письмом к вице-королю. Он отсылает ему свои знаки отличия и почетные титулы.

«Не без огорчения, — говорит он, — отсылаю я золотую медаль, полученную мною за мою человеколюбивую работу в Южной Африке, медаль за зулусскую войну, за мои услуги в качестве офицера санитарного отряда индусских волонтеров в 1906 г., медаль за бурскую войну, за мою службу в качестве помощника главного смотрителя отряда санитарных служителей-индусов в 1899–1900 г.… Но, — продолжает он, напомнив о событиях Пенджаба и о тех, которые вызвали движения Калифата, — я не могу сохранять ни уважения, ни любви к правительству, запятнавшему себя этой безнравственностью и этими несправедливыми действиями… Надо привести его к раскаянию… Я побудил народ к отказу от сотрудничества, который дает возможность отложиться от правительства и поступать наперекор ему, не прибегая к насилию». И Ганди выражает надежду, что вице-король исправит несправедливость, посоветовавшись с признанными вождями народа.

Пример Ганди был подхвачен немедленно. Сотни должностных лиц вышли в отставку, тысячи учащихся были взяты из коллегий. Суды были покинуты. Школы опустели. Конгресс всей Индии, собравшийся на специальную сессию в Калькутте, в начале сентября, санкционировал решения Ганди значительным большинством. Ганди и его друг Маулана Шаукат Али проехали но стране, встречаемые всюду восторженными приветствиями.

Никогда Ганди не держал так в своей власти миллионы людей, как в этот первый год движения. Ему надо было взнуздать насилие, которое только ждало случая, чтобы прорваться. Особенно страшило его анархическое насилие толпы. Он не находил достаточно суровых выражений, чтобы заклеймить ***«мобократию»***,[46] которую он считал самым опасным злом в Индии. Он ненавидит войну, но все-таки предпочитает ее разнузданности Калибана. — «Если Индия прибегнет к насилию, то пусть это будет дисциплинированное насилие, пусть это будет война! Ни в коем случае не насилие толпы!» Он относится подозрительно даже к веселым и шумным, но беспорядочным демонстрациям, ибо никогда нельзя быть уверенным, что они не перейдут в неистовства и не поведут к чудовищным

преступлениям. Надо, чтобы порядок родился из этого хаоса. Надо закон стихийной массы заменить «законом организованного народа». И этот мистик с зорким взглядом обнаруживает не менее здравый практический, смысл, чем наши европейские мистики— основатели монашеских орденов и властители человеческих душ, устанавливая самые мелочные правила для введения в спокойное русло бурного потока народных манифестаций.

«Наша грубая ошибка, — говорит он, — заключается в том, что мы пренебрегаем музыкой. Музыка — это ритм и порядок. К несчастью, в Индии она остается уделом немногих. Она никогда не была здесь достоянием нации… Следовало бы заставлять отдельные группы петь национальные песни. Пусть крупные музыканты присутствуют на всех конгрессах и обучают музыке народные массы! Нет ничего легче, как обучать простой народ, который не имеет своей определенно, направленной воли»…

Дальше идет целый перечень предписаний: 1) не принимать в большие манифестации новичков-руководителей, ставить во главе наиболее испытанных; 2) снабжать всех руководителей общим списком инструкций; 3) согласовать сигнальные свистки руководителей; 4) вменить толпе в обязанность беспрекословно подчиняться руководителям; 5) установить содержание и точно фиксировать моменты провозглашения национальных лозунгов; не допускать никаких отступлений от правил; 6) выстраивать толпу шпалерами по бокам дорог, чтобы она не препятствовала движению экипажей; запретить ей вход на вокзалы; не позволять приводить с собой маленьких детей при массовых скоплениях народа… и т. д.

Короче говоря, Ганди становится дирижером этих океанов людей.

«Самая трудная задача для нации—это дисциплинировать свои манифестации».

Толпа бывает охвачена жаждой насилия лишь временами; верней, она сама не знает, чего хочет, она подчиняется внезапным импульсам, противоречивым порывам. Но часть индусского избранного меньшинства сознательно и решительно стремится к насилию; она не понимает ни мысли Ганди, ни, в особенности, политической силы его действия. Ганди получает анонимные письма, в которых его просят не противиться насилию или (что может быть оскорбительней!) выражают циничную уверенность в том, что его слова не больше, чем уловка, которая имеет целью обмануть врага, и торопят его подать сигнал к сражению. Ганди отвечает резко. Он ведет страстные дискуссии. В прекрасных статьях он оспаривает ***«учение о праве на жизнь и на смерть».*** Он опровергает утверждение, будто индусские Писания и Коран

предписывают насилие. ***Бхагавад-Гита*** учит не насилию, но исполнению долга с опасностью для своей жизни-[47] «Человек не обладает властью созидания, значит, он не имеет права разрушать»… Надо любить даже и тех, кто причиняет нам зло: это не значит, однако, что зло терпимо. Ганди ухаживал бы за генералом Дайером, если бы он был болен. Но если бы его собственный сын вел постыдный образ жизни, «моя любовь потребовала бы, — пишет, он, — чтобы я отнял у него мою поддержку, хотя бы это и угрожало ему смертью». Мы не имеем права принуждать злого человека силой. Но мы обязаны противодействовать ему, отделившись от него, чего бы это ни стоило. И когда враг раскаивается, надо открыть ему свои объятия.

Одной рукой взнуздывая насильников, другой он в то же время подталкивает колеблющихся. Он ободряет тех, кто отступает перед прямым действием: «Ничто не было совершено в мире без прямого действия. Я отбросил слова: ***пассивное сопротивление*** из-за их недостаточности… Именно прямое действие переубедило генерала Смитса в Южной Африке… Каков самый великий симбиоз, осуществленный Христом и Буддой? Симбиоз силы и мягкости. Будда вел борьбу во вражеском лагере и заставил склониться перед собой надменное священство. Христос изгнал торговцев из храма, он бичевал лицемеров и фарисеев. Это прямое действие, притом самое решительное… И в то же время за этими актами бесконечная мягкость»…

Он взывает также к сердцу и разуму англичан. Он называет их своими «дорогими друзьями»; он напоминает им, что в течение тридцати лет был им верным товарищем; он просит, чтобы они оценили по заслугам коварные поступки своего правительства. «Его вероломство разбило мою веру в него. Но я еще верю в английское мужество. Индия не может в настоящее время противопоставить вам ничего, кроме нравственного мужества. Отказ от сотрудничества есть самопожертвование. Я хочу покорить вас своими страданиями»…

Его кампания, в течение четырех или пяти месяцев, ставила своей задачей не только парализовать английское правительство отложением от него, но организовать новую Индию, которая могла бы довлеть себе и создать свою независимую жизнь как в материальном, так и в моральном отношении. В первую очередь надо было обеспечить ей экономическую независимость. Это то, что Ганди называет ***Свадеши*** (или, верней, из различных смыслов слова этот самый ближайший и самый практичный).

Очевидно, что Индия должна была научиться отказываться от удовлетворения многих материальных потребностей, что она

должна была без жалоб примириться с многими неудобствами. Здоровая дисциплина. Необходимая гигиена. Раса извлечет из нее не только нравственный закон, но и пользу для здоровья. Следовало прежде всего вырвать с корнем в Индии «проклятье спиртных напитков», организовать группы воздержание, подвергнуть бойкоту европейские вина, убедить торговцев отказаться от своих патентов.[48] Индия поняла призыв Махатмы. Волна воздержания прокатилась по стране, и потребовалось вмешательство Ганди, чтобы помешать толпе насильно закрывать и громить магазины. Ибо «не дозволено делать людей чистыми посредством насилия».

Но если сравнительно легко было отказаться от бича спиртных напитков, то несравненно серьезнее стоял вопрос об обеспечении Индии средствами существования. Как она прокормит себя? Как она оденется, раз будут отброшены европейские продукты? Рецепт Ганди до крайности прост, и отражает на себе средневековые тенденции его мысли: он хочет, чтобы во всех семьях Индии восстановилась старинная домашняя промышленность при помощи прялки.

Можно было бы высмеять это патриархальное решение социального вопроса.[49] Но надо постараться понять специальные условия Индии и точный смысл, который Ганди придает прялке. Он никогда не рассчитывал, что прядение сможет дать достаточные средства к жизни, не считая самых бедных, но он смотрел на него, как на подсобный промысел для земледельца, на время перерыва земледельческих работ. Это вовсе не теоретическая проблема; она обладает большой остротой и настоятельностью. 80 % населения Индии занято земледелием и не имеет работы в течение четырех месяцев в году.

Десятая часть населения, как общее правило, голодает. Средние классы недоедают. Англия ничего не сделала, чтобы улучшить это положение; наоборот, она в значительной степени ухудшила его. Английские компании разорили местную промышленность, выкачали богатства Индии и высасывают из нее ежегодно шестьдесят миллионов рупий. Индия, которая производит весь нужный ей хлопок, вывозит миллионы кип его и в Японию и в Ланкашир, откуда он же возвращается к ней в виде фабричного коленкора. Отсюда ясно: Индия должна обходиться без разорительных для нее услуг иностранцев и возможно скорее создать свои собственные мастерские; она должна найти такое средство, которое в кратчайший срок дало бы каждому работу и пропитание. Но нет для этого более действительного и более дешевого средства, чем кустарная промышленность, чем старинная индусская промышленность: прядение и ткачество.

Речь идет не о том, чтобы приставить к ткацкому станку рабочего-землепашца, имеющего работу и хороший заработок, а о том, чтобы занять, с одной стороны, безработных и праздных людей, с другой — женщин и детей и, наконец, всех индусов в часы их досуга. Поэтому Ганди и предписывает: 1) бойкотировать иностранные ткани; 2) возобновить и распространить обучение прядильному ремеслу, делу очень легкому; 3) принять обязательство не носить иных тканей, как только дома выпряденных и сотканных. С неослабевающим жаром Ганди отдается пропаганде этой идеи. Он хочет, чтобы прядение стало общей обязанностью[50] всей Индии, чтобы прядению обучали в школе, чтобы дети бедняков оплачивали свое образование работой за прялкой, чтобы каждый индус, мужчина или женщина, ежедневно посвящал прядению час времени, как дань благотворительности.

Ганди входит в мельчайшие подробности, дает технические указания насчет хлопка, пряжи, различных способов их обработки; снабжает практическими советами ткачей, скупщиков, отцов семейства, школьников; показывает с цифрами в руках, как можно на небольшой капитал открыть лавку ***Свадеши*** (лавку произведений местной индусской работы) и получить 10 % прибыли, и проч. Он впадает в лиризм, прославляя «музыку прялки», самую древнюю музыку Индии, ту, что услаждала Кабира,[51] поэта-ткача, и Ауренг-Зиба,[52] великого могола, который собственноручно изготовлял свои колпаки.

Ганди удается взволновать общественное мнение. В Бомбее дамы из знатных родов садятся за прялку. Индусы и мусульмане принимают на себя обет не носить иных тканей, как только из родной пряжи. Мода с увлечением набрасывается на К***хаддар*** или К***хади,*** красоту которых признает и Рабиндранат Тагор. Заказы растут;.они поступают даже из Белуджистана и Адена.

Увлечение, однако, зашло несколько далеко, когда дело коснулось бойкота иностранных тканей, и сам Ганди, умевший обыкновенно так владеть собой, казалось, потерял на этот раз чувство меры. Он приказал сжигать эти ткани, как символ рабства. И в августе 1921 г, в Бомбее, — как некогда, во времена Саванаролы, Christo regnante, на площади Сеньории, можно было видеть, как среди шумного веселья пылали костры, сложенные из великолепных материй. Один из добрых гениев Индии Г. Ф. Эндрьюс, друг Тагора, поклонник Ганди, написал ему трогательное письмо: он выражал в нем сожаление, что ткани, которые могли быть розданы беднякам, были сожжены, что был сделан призыв к дурным инстинктам расовой розни; он протестовал против подобного национализма, являющегося

одним из проявлений насилия. Он не может примириться с тем, что из разрушения сделали некоторого рода религию: ведь уничтожать плоды труда — преступление. Эндрьюс, который перед этим до такой степени сроднился с реформами Ганди, что стал носить кхаддар, теперь не решался надеть его: вид костров поколебал его веру в Махатму.

Но Ганди, публикуя его письма и свой страстный ответ, хотя и был тронут откровенностью его встревоженный души, тем не менее заявил, что не жалеет ни о чем. Он не питает никаких враждебных чувств ни к одной расе, какова бы она ни была, он не требует уничтожения всех иностранных продуктов, а лишь тех, что явно причинили зло. Миллионы индусов разорены английской мануфактурой, многие пали до того низко, что стали париями или наемными солдатами, а их жены — проститутками. Нельзя носить эти преступные ткани, не впадая в грех. Индия имеет слишком много оснований ненавидеть англичан-эксплоататоров. Ганди отвращает ее злобу от людей и направляет ее на вещи. Виновны не только англичане, продающие эти ткани, виновны и индусы, покупающие их. Это необходимая хирургическая операция. Было бы непристойно отдавать осквернённые ткани беднякам, так как и у них есть своя честь.

Но освободить материальную жизнь народа от гнета иностранцев — это еще ничего не значит; надо освободить его дух. И Ганди хочет, чтобы родина его сбросила с себя иго европейской культуры; и самый гордый замысел его — заложить основы истинно-индусского воспитания.

Существовало уже несколько университетов и коллегий, где, несмотря на английскую опеку, тлели еще угольки древне-азиатской культуры. Алигар[53] в течение 45 лет был Индомусульманским университетом, центром исламической культуры Индии; Коллегия Кхалсы[54] являлась центром Сикхеизма.[55] Индусы имели свой университет в Бенаресе. Но эти схоластические, несколько отсталые, коллегии преданы правительству, которое оказывало им денежную помощь. Ганди хотел бы разрушить их и заменить более чистыми очагами просвещения. В ноябре 1920 он открывает в Ахмедабаде Национальный Университет для изучения Гуджарати.[56] Университет вдохновляется идеалом единой Индии; его религиозными устоями являются ***Дхарма***[57] индусов и ислам магометан; он притязает на то, чтобы стать спасителем местных наречий Индии и превратить их в источник ее национального возрождения. Ганди считает вполне справедливо — из его слов и мы могли бы извлечь пользу, — что систематическое изучение азиатских культур не менее важно для завершения образования,

чем изучение наук Запада. Надо исследовать обширные сокровища санскрита, арабского и персидского языков, пали[58] и магадхи[59] и таким образом вновь обрести тайну национальной мощи. Но речь идет не о том, чтобы снова повторить сказанное иди сделанное в протекшие времена. «Надо создать новую культуру на основе прошлых культур, обогащенных опытом веков. Она должна явиться синтезом различных цивилизаций, влиявших на Индию и впитавших дух ее земли. Этот синтез не проявится по примеру американской культуры, которая господствует над всеми остальными, поглощая и вытесняя их. Всякая культура занимает свое законное место.

Цель— гармония, а не фактическая унитарность, достигнутая при помощи насилия». Все студенты должны постичь все религии Индии. Индусы ознакомятся с кораном, мусульмане с шастрами. Национальный Университет не исключает ничего, кроме духа «исключительности». Для него среди человечества не существует «нечистых», париев. Изучение ***хиндустани*** будет обязательным, ибо он является истинно-национальным диалектом Индии, смесью санскрита, хинди и персианизированного урду.[60]

Специалисты подучат профессиональное образование, прочие литературное. Таким образом будут смягчены классовые различия. Дух независимости будет укрепляться не только наукой, но и особым воспитанием, которое Ганди именует воспитанием призвания.[61]

В разрез с европейской системой воспитания, которая недооценивает значения ручного труда, развивая только мозг, Ганди хочет, чтобы ручной труд был введен в школы, начиная с младших классов. Хорошо было бы, если бы ребенок оплачивал свое воспитание сам работой за прялкой; таким образом, он во-время научился бы зарабатывать средства к существованию и быть независимым. Что же касается воспитания сердца, которым пренебрегает Европа, то его еще нужно создать. И прежде, чем приступить к воспитанию учеников, надо создать воспитателей.

Это дело высших заведений, из которых Ганди, повидимому, мечтает сделать рассадник нового воспитания; эти заведения не школы, а скорее настоящие монастыри, в которых должен храниться священный огонь Индии и отсюда распространяться дальше, похожие на знаменитые монастыри бенедиктинцев Запада, этих набожных пионеров земли и духа.

Мы располагаем правилами, которые Ганди установил для дома ***Сатиаграх ашрам,*** своего излюбленного детища, в Ахмедабаде. Они относятся в большей степени к учителям, чем к воспитанникам; он связывает первых чисто монашескими обетами. Но между тем, как в обыкновенных монастырях эти

обеты с течением времени сохраняют лишь силу запретительной догмы, здесь в них трепещет дух самопожертвования и целомудренной любви, одушевляющей святых. Наставники обязуются соблюдать следующие обеты:

1. ***Обет правды—***Недостаточно только не лгать. «Никогда не следует пользоваться ложью, даже ради блага страны». Пусть даже правда вызовет недовольство родителей и старших.

2. ***Обет «Ахимса»*** (не убий!). — Недостаточно не отнимать жизни у другого. Не следует наносить раны даже тому, кого считаешь несправедливым. Никогда не следует гневаться на них; их надо любить. Противодействуй тирании, но не делай зла тирану. Побеждай его любовью. Отказывай ему в повиновении, хотя бы тебе грозила смерть.

3. ***Обет безбрачия,*** без которого было бы почти невозможно соблюсти два предыдущих обета. — Недостаточно избегать вожделения. Надо постоянно следить за своими животными страстями, даже за мыслями. Если ты женат, смотри на жену свою, как на подругу, данную тебе на всю жизнь, и храни к ней отношение полнейшей чистоты.

4. ***Обет «наблюдай за нёбом!»*** — Надо вести умеренный режим и очищаться. Постепенно отказываться от всякой пищи, которая не является необходимой.

5. ***Обет «не укради!»*** — Речь, идет не только о собственности других. «Кражей будет употребление вещей, в которых ты действительно не нуждаешься». Природа доставляет изо дня в день ровно столько и не больше, чем тебе нужно ежедневно.

6. ***Обет неимения собственности.*** Недостаточно не иметь собственности. Не следует хранить ничего, кроме совершенно необходимого для наших телесных нужд. Постоянно ограничивай свой излишек. Упрощай свою жизнь.

Два «вспомогательных правила» добавляет Ганди к этим основным обетам:

1. ***Свадеши.*** — Не употребляй предметов, в которых может таиться обман. Это предписание влечет за собою запрещение предметов, изготовленных вне страны, ибо они — продукт эксплоатации нищеты и страданий рабочего люда Европы, иностранные товары, т. о. «табу» для ученика «Ахимса». Отсюда необходимость простых одежд, изготовленных в стране.

2. Отсутствие страха. — Ибо тот, кто испытывает страх, не может исполнять предшествующих правил. Надо не знать страха ни перед королями и народами; ни перед семьей, людьми и дикими животными, ни перед смертию. Человек, не знающий страха, защищается «силою истины» или «силою души своей».

Построив характеры на этой твердой, как железо, основе,

Ганди быстро переходит к другим воспитательным мерам, из которых наиболее поразительны, следующие две: учителя должны подавать пример физического труда (предпочтительно земледельческого) и изучать главнейшие языки Индии.

Что касается детей, вступивших в ***Ашрам,*** — их можно поместить туда с четырехлетнего возраста, — то и они обязаны оставаться там до самого окончания (а курс занятий продолжается около десяти лет). Их разлучают с семьей. Родители отказываются от каких бы то ни было прав надзора. Они носят простую одежду, получают простую пищу, строго растительную, они не пользуются днями отдыха в обычном смысле слова; но полтора дня в неделю им предоставлено для личных занятий, а три месяца в году посвящаются странствованиям по Индии. Хинди и одно из дравидийских[62] наречий обязательны для всех. Кроме того, они должны изучить английский язык, как второй по важности, и характерные особенности 5 индийских наречий (урду, бенгали, тамиль, телугу и деванагари). Им преподают на их родном языке историю, географию, математику, экономические науки и, кроме того, санскрит. Одновременно с этим, они занимаются земледелием и ручным тканьем. Нечего говорить, что все преподавание овеяно религиозным духом. Когда курс наук закончен, молодым людям предстоит выбор: или принять обет, подобно старшим, или удалиться. Все преподавание бесплатно.

Я несколько дольше остановился на этой воспитательной программе потому, что она указывает на высокую духовность всего движения Ганди, и потому, что именно воспитание является, по его мысли, основным его возбудителем. Чтобы создать новую Индию, надо создать новые души, души сильные и чистые которые были бы истинно индусскими. А чтобы создать их, надо образовать святые легионы апостолов, которые, подобно христовым, были бы солью земли. Ганди не фабрикует законов. Он лепит новое человечество.

Английское правительство, — как и всякое правительство в подобных случаях, — конечно, ничего не поняло в происходящем. Его первым движением была высокомерная ирония. Вице-король Индии Чельмсфорд заявил в августе 1920 г., что «из всех нелепостей — это самая нелепая». Однако, вскоре пришлось спуститься с высот спокойного презрения. Уже в достаточной степени встревоженное, но все еще недоумевающее правительство опубликовало 6 ноября 1920 г. отеческое, но таившее в себе угрозу предостережение, в котором говорилось, что правительство не хотело прибегать к уголовным преследованиям, так как инициаторы движения проповедывали воздержание от

насилий, но что был отдан приказ принять меры против тех, кто нарушит установленные границы и подстрекнет к насилию или ˆвооруженному неповиновению.

Границы были скоро нарушены, но правительством. Движение приняло тревожные размеры. И в декабре 1920 г. произошло событие исключительной важности. Отказ от сотрудничества без применения насилия был до сих пор пробным тактическим шагом временного характера, и правительство, льстило себя надеждой, что Генеральное Собрание Индии откажется от него в заключительной своей сессии. Но национальный Конгресс всей Индии, собравшись в Нагпуре, наоборот, занес его в конституцию, как первую статью закона.

«Статья 1. Цель Национального Конгресса — достижение ***Сварадж (Гомруль)*** для народа Индии всеми мирными и законными средствами».

Конгресс подтвердил. Отказ от сотрудничества, вынесенный голосованием особой сессии в сентябре 1920 г., дополнил его, подчеркнув принцип неприменения насилия, указав на необходимость, в интересах победы, общей гармонии между различными элементами страны, провозгласив, в соответствии с этим, единство индусов и мусульман, больше того, сближение между привилегированными и обездоленными классами.

Он ввел в конституцию коренные изменения, которые окончательно установили систему представительства всех партий Индии. Конгресс не скрывал, что Отказ от сотрудничества в данный момент является только первым вестником завязавшейся борьбы. Он объявлял, что полный Отказ от сотрудничества с правительством и отказ от платежа налогов войдут в силу с момента, который будет предварительно установлен. В ожидании этого момента, чтобы подготовить к нему страну, распространяли все шире бойкот, поощряли национальное индийское ткачество, обращались с призывами к студентам, родителям, должностным лицам и приглашали с большим усердием проводить Отказ от сотрудничества. Те, кто откажутся подчиниться предписаниям Конгресса, будут исключены из общественной жизни.

Такое положение вещей означало создание государства в государстве, самоутверждение истинного государства Индии на глазах британского правительства. Последнее не могло уже оставаться в бездействии. Приходилось либо вступать в соглашение, либо начать борьбу. При некоторой уступчивости соглашение было бы еще возможно. Конгресс заявил, что он достигнет своей цели «в союзе с Англией, если она выразит свою готовность, если нет—то без нее». Как всегда, когда политика касалась народов другой расы, так и теперь насилие одержало

верх, Искали только поводов. Недостатка в них не оказалось.

Несмотря на твердое намерение не прибегать к насилиям, подтвержденное и Ганди и Конгрессом, несколько крупных беспорядков, имевших лишь отдаленную связь с движением «Отказа от сотрудничества», произошли в различных местностях Индии. В Соединенных провинциях (Аллахабад) вспыхнули аграрные волнения, бунты арендаторов против земельных собственников, и полиция произвела кровавую расправу.

Затем движение Акали[63] среди Сикхов, сперва чисто религиозное, стало применять «Отказ от сотрудничества» и завершилось в феврале 1921 г. убийством 200 сикхов. Нельзя было, по чистой совести, возложить ответственность за эту драму, вызванную фанатизмом, на Ганди и его учеников. Но случай удобный. Начались репрессии с начала марта 1921 г., и свирепствовали с возраставшей силой до конца года. Чтобы пустить их в ход, предлогом были избраны манифестации против продавцов крепких напитков. Ведь не в первый раз алкоголь и европейская цивилизация выступали нога в ногу. Организации добровольцев, сторонников отказа от сотрудничества, были запрещены. Был провозглашен закон против мятежных собраний. В различных округах местная полиция получила безграничные полномочия для подавления движения, которое было окрещено революционным и анархическим. Тысячи индусов были арестованы; не делали никаких исключений для лиц уважаемых. Эти меры вызвали, конечно, возмущения, тут и там происходили бои между полицией и толпой, убийства, пожары. Комитет конгресса всей Индии, собравшись в Безваде, в последнюю неделю марта, обсуждал, не следует ли объявить гражданское неповиновение. С редкой мудростью он решил, что страна недостаточно еще созрела и недостаточно еще дисциплинирована, чтобы прибегнуть к этому обоюдоострому оружию, и постановил выжидать, приступив к некоторого рода гражданской и финансовой мобилизации.

Ганди еще с большим подъемом возобновил свою компанию за объединение Индии, за единение религий, рас, партий и каст. Он обратился с призывом к парсам,[64] богатым, крупным коммерсантам, крупным промышленникам, в большей или меньшей степени окрашенным, как выражается Ганди, духом Рокфеллера. Индо-мусульманскому единению беспрестанно угрожали давние предрассудки, страхи, взаимное недоверие. Он отдался этому делу телом и душой,[65] не добиваясь полного слияния обеих групп, сейчас невозможного, чего и сам он не хотел, но союза прочного, построенного на дружеских отношениях.[66]

Его высшим стремлением является желание ввести в круг индусской общественности отверженные классы. Его страстные требования вернуть права париям, его страдания при виде этой чудовищной Социальной несправедливости, его гневные вопли против нее—уже этого достаточно, чтобы обессмертить его имя. Боль, которую причиняет ему то, что он называет «самым постыдным и грязным пятном индуизма», имела своим источником переживания раннего детства. Он рассказывает, что когда был еще ребенком, в дом его приходил парий для грязной работы; ребенку было запрещено притрагиваться к нему, не совершив потом омовения; он не мирился с этим и спорил с родителями. В школе он часто прикасался к «нечистым»; мать советовала ему после этого Прикоснуться к мусульманину, чтобы очиститься от такого осквернения. Но к двенадцати годам мнение его сложилось. Он поклялся очистить совесть Индии от этого греха. Он вознамерился придти на помощь своим униженным братьям. Нигде его свободомыслие не сказывается так ярко, как в деле их защиты. Можно судить об этом по тому факту, что он готов был бы пожертвовать своей религией, если бы ему доказали, что отверженность париев является и догматом. Одна эта несправедливость оправдывает в его глазах все прочие несправедливости, которые терпят индусы во всем мире.

«Если индусы стали париями Империи, то это возмездие вечной справедливости. Пусть индусы омоют сперва свои руки, запятнанные кровью!.. Отверженность париев унизила Индию. В южной Африке, в восточной Африке, в Канаде с индийцами обращаются так же, как с париями. ***Сварадж*** невозможен, пока существуют парии. Индия повинна в этом. Ничего более позорного не совершила даже Англия. Первейший долг—защищать слабых и не оскорблять человеческого достоинства. Мы не лучше скотов, если не очистимся от этого греха. ***Сварадж*** должен стать царством справедливости на всей земле»…[67]

Ганди хотел, чтобы национальное Законодательное Собрание улучшило возможно скорее судьбу братьев-париев, чтобы им был открыт широкий доступ в школы и к колодцам, ибо пользование общественными колодцами было им запрещено. А до тех пор?.. Нетерпение не позволяет ему ждать, скрестив руки, пока привилегированные классы исправят свою несправедливость, и заставляет его перейти в лагерь париев: он становится во главе их и старается их объединить. Он вместе с ними обсуждает различные выходы: что могут они сделать? Апеллировать к правительству Индии? Это значило бы сменить одно рабство другим… Отказаться от индуизма (обратите внимание на смелое великодушие этого верующего индуса!) и обратиться в

христианство или магометанство? Ганди готов был бы посоветовать этот выход, если бы индуизм был неразрывно связан с верованием в отверженность париев. Но он убежден, что это верование есть нездоровое извращение религии, и что его надо вырвать с корнем. Парии должны организоваться для самозащиты. Они могли бы также прибегнуть к Отказу от сотрудничества, как к своему средству против индуизма, прекратить всякие сношения с прочими индусами (исключительно дерзкий совет в устах этого патриота, совет прибегнуть к социальному бунту!) Но, продолжает Ганди, парии неспособны ни к какой организации: у них нет вождей. Пусть же они присоединятся к общему движению Индии, первое условие которого—единение классов; иного средства для них нет. Действительный Отказ от сотрудничества есть религиозный акт очищения. Никто не может принять в нем участия, отвергнув париев; он тяжко погрешил бы. Ганди, таким образом, успешно примиряет религию, отечество и человечество.[68]

Торжественно освящены были первые попытки объединения париев ***«Совещанием угнетенных классов» (Suppressed Classes Conference)*** в Ахмедабаде, на котором 13 и 14 апреля 1921 председательствовал Ганди. Здесь он произнес одну из прекраснейших своих речей. Он не удовлетворился требованием уничтожения социального неравенства; он ждет от париев великих дел в социальной жизни возрожденной Индии; он возвращает им веру в самих себя; он внушает им пламенную надежду, которой одушевлен сам. Он заметил в них, говорит им Ганди, залежи огромных возможностей. Он рассчитывает, что через пять месяцев отверженные классы сумеют доказать свое достоинство и завоевать подобающее им место в великой индийской семье.

Ганди испытал радость, он видел, как взволновалась Индия от призыва к ее сердцу, как осуществлялась эмансипация париев в многочисленных ее округах.[69]

Накануне своего ареста он. все еще занимался этим делом и рассказывал о его успехах. Брахманы посвящали себя этому же делу. Привилегированные классы являли трогательные примеры раскаяния и братской любви. Ганди приводит случай с молодым восемнадцатилетним брахманом, который стал метельщиком, чтобы жить с париями.

Ганди с неменьшим благородством встал на защиту другого великого дела: на защиту прав женщины.

Половой вопрос имеет исключительную важность в Индии, насыщенной бьющей через край, нестерпимой и плохо упрвляемой чувственностью. Детские браки истощают

преждевременно физическую и моральную силу нации.

Терзания плоти гнетут мысль, и достоинство женщины вследствие этого принижается. Ганди предает гласности жалобы индусок против унизительного обращения с ними индусских националистов. Он признает справедливыми их упреки. Это, говорит он, такая же тяжелая рана на теле Индии, как и отверженность париев. Но Ганди тут же прибавляет, что от нее страдает весь мир. Это универсальная проблема. Как и в судьбе париев, он ждет успеха скорее от угнетаемых, чем от угнетателей. Он обращается поэтому к женщинам, чтобы они прежде всего внушили к себе уважение, перестав смотреть на себя как на предмет для удовлетворения мужской похоти. Пусть они примут решительное участие в общественной жизни, пусть подвергнут себя ее риску и опасностям! Пусть они не только откажутся от роскоши, сбрасывая с себя и сжигая иностранные ткани, пусть они разделят также страдания своих мужей! В Калькутте уже были заключены в тюрьму достойные женщины. Очень хорошо. Пусть не требуют они снисхождения к себе, пусть соперничают они в выносливости и лишениях с мужчинами! На этом поприще женщина может всегда превзойти мужчину. Пусть они ничего не боятся! Самая слабая может сохранить свою честь. Достаточно научиться умирать.

Он отнюдь не забыл и ***наших падших сестер.*** Он передает разговоры, которые вел с многими сотнями из них на собраниях в провинции Андхра и в Баризале. С какой благородной простотой он говорит с ними! Они говорят с ним, доверяют ему свои тайны, спрашивают совета! Он ищет для них почетного ремесла, предлагает прялку, они обещают сесть за нее хоть завтра, только бы им помогли. И обращаясь к мужчинам Индии, Ганди призывает их уважать женщину:

«Эта порочная забава не должна иметь места в нашей Революции. ***Сварадж*** означает, что все жители Индии для нас братья и сестры… Уважение ко всем… Женский пол не слабый пол, он наиболее благородный пол, благодаря способности жертвовать собой, молча страдать, смиряться, верить и постигать. Интуиция женщины часто оказывалась выше вызывающей претензии мужчины на высшее знание…»

Ганди нашел в женщинах Индии, начиная с своей собственной жены, интеллигентных помощниц и лучших учениц.

III

1921 год знаменует апогей влияния Ганди. Он пользуется огромной моральной властью, но ему вручают, помимо его воли, почти безграничную политическую власть. Народ верит в него, как в святого; его изображают[70] на картинах в образе Шри-Кришны. А в декабре 1921 г. Национальный Конгресс всей Индии облекает его верховной властью, вверяет ему свои полномочия с правом избрать себе преемника. Он бесспорный вождь индийской нации. От него зависит спустить с цепи политическую революцию или даже произвести религиозную реформацию, если бы он того пожелал.

Он этого не сделал. Он не захотел. Что это—душевное величие? Душевная робость? Может быть, и то и другое. Трудно человеку (к тому же еще иной культуры) проникнуть в чужую душу, особенно, когда она так глубока, так чутка, как у Ганди. Трудно определить в вихре событий, которые в этот мятежный год волновали Индию, была ли всегда тверда рука кормчего, направляла ли она громадный корабль, не уклоняясь от верного пути и не ослабевая. Но я постараюсь все же рассказать то, что, как мне кажется, я разгадал в этой живой загадке, с чувством религиозного почтения, которое я питаю к этому великому человеку, и с той искренностью, которою я обязан его искренности.

Если власть Ганди была велика, то не менее велика была и опасность ею пользоваться. По мере того, как ширилась общественная деятельность и содрогания ее приводили в движение сотни миллионов людей, становилось все труднее управлять этим взбаламученным морем и самому сохранять равновесие. Сверхчеловеческая проблема — примирить дух умеренности и широту взглядов с сорвавшимися с цепи массами. Мягкий и верующий кормчий молится и ищет опоры в боге. Но голос, который он слышит, доходит до него в шуме грозы и бури. Услышат ли его другие?.. Меньше всего грозит ему опасность возгордиться. Никакое обожание не может вскружить ему голову. Оно оскорбляет его смирение и его здравый смысл. Единственный, быть может, случай в истории пророков и великих мистиков, но у него нет видений, нет откровений, он не старается ни уверовать в них, ни уверить в них других. Какая-то безгрешная ясность! Его ум не пьянеет, его сердце не знает тщеславия. Он существует, он живет, как простой человек, подобный всем людям… Нет, пусть не называют его святым! Он им не хочет быть (и поэтому, именно, он святой)…

«Слово ***святой,*** пишет Ганди, должно быть вычеркнуто из настоящей жизни… Я молюсь, как любой благочестивый индус, я верю, что все мы можем стать вестниками бога; но у меня не было никаких особых божеских откровений. Я твердо верю, что бог объявляет свою волю каждому человеческому существу; но мы закрываем свои уши перед тихим голосом нашей души… Я только смиренный труженик, покорный слуга Индии и Человечества (a humble servant of India and Humanity…). На большее я не притязаю. У меня нет желания основать секту. Я действительно слишком честолюбив. Я не вещаю новых истин. Я силюсь истолковать ***истину*** так, как ее постигаю, я силюсь следовать ей. Я бросаю новый свет на старые истины».[71]

Сам по себе, он всегда очень' скромен, полон сомнений, лично неспособен ни на какое кастовое высокомерие, и как индийский патриот, и как идейный вождь Отказа от сотрудничества. Он не мирится ни с какой тиранией, даже ради доброго дела. «Ни в коем случае не следует заменять иго правительства игом сторонников Отказа от сотрудничества».[72] Он отказывается также превозносить свое отечество над отечеством других, и его патриотизм не замыкается в границах Индии. «Для меня патриотизм сливается с человечеством. Я патриот, потому что я человек и человечен. Я чужд исключительности — я не причиню зла Англии или Германии, чтобы послужить Индии. Империализму нет места в программе моей жизни… Чем равнодушнее патриот к человеку, тем слабее его патриотизм».[73]

А ученики его, всегда ли они так же чутки, как он? Чем становится его учение в руках некоторых из них? И при посредстве их, каким доходит оно до толпы?

Когда Рабиндранат Тагор, после нескольких лет странствий по Европе, вернулся в августе 1921 г. в Индию, он был уже потрясен переменой, которую заметил в умах индусов. Но беспокойство, охватившие Тагора, не дожидаясь его возвращения на родину, выразилось в ряде писем, посланных им из Европы индийским друзьям; многие из этих писем были напечатаны в ***Modem Review.***[74]

Необходимо остановиться на разногласиях между этими двумя великими умами, которые питают друг к другу и чувства уважения и восхищения, но которые так же фатально отличны друг от друга, как мудрец от апостола, как святой Павел отличен от Платона. С одной стороны, гений веры и всепрощения, пожелавший стать бродилом нового человечества. О другой, гений мысли свободной, широкой и ясной, заключающей в свои

объятия все сущее.

Тагор признавал всегда святость Ганди, и он сам говорил мне о нем с чувством благоговения: когда я вызвал перед ним, ссылаясь на Махатму, образ Толстого, Тагор пояснил мне, насколько Ганди ему ближе и кажется ему более просветленным (и сейчас, когда я знаю его лучше, я сужу о нем так же), ибо все в Ганди—сама природа, простота, скромность и чистота, и ясность обвевает его борьбу. Между тем как у Толстого—все гордый бунт против гордости, гнев против гнева, страсть против страстей, все насилие вплоть до непротивления насилию… Тагор писал из Лондона 10 апреля 1921 г.: «Мы благодарны Ганди за то, что он дал Индии случай доказать, что вера ее в божественный разум человека еще жива». И, несмотря на раздумье, на которое наводило его движение, поднятое Ганди, Тагор был склонен притти ему на помощь. Даже тот блестящий манифест, выпущенный им в октябре 1921 г., этот ***«Призыв к истине»,*** который освящает их разрыв, открывается великолепной, едва ли когда-либо превзойденной хвалой Махатме Ганди; я приведу его дальше.

Ганди, с своей стороны, свидетельствует Тагору искренние чувства уважения; и даже в спорах своих с ним старается не разойтись с Тагором. Чувствуется, что ему больно полемизировать с ним; и когда добрые друзья пытаются разжечь спор между ними, разглашая личные тайны, Ганди приказывает им замолчать, раскрыв перед ними все, чем он обязан Тагору.[75]

Но роковым образом разногласия между ними крепли. С лета 1920 г. Тагор не переставал сожалеть, что со смерти Тилака бьющая через край сила любви и веры Ганди была отдана на служение политическим целям. Не с радостью в сердце сам Ганди решился на это, но Тилак умер, Индия осталась без политического вождя, надо было стать на его место.

«Если я как-будто принимаю участие в политике, — говорит он с особой выразительностью в момент, когда решается на это, — то только потому, что политика сжимает нас сейчас в своих тисках, как змея: нельзя вырваться из них, что бы ни делать. Итак, я хочу вступить в бой с змеей… я попытаюсь религию ввести в политику».[76]

Но Тагор оплакивал эту необходимость. Он писал 7 сентября 1920 г.

«Все то стремление к нравственному совершенствованию, которым является жизнь Махатмы Ганди и которое только он один среди всех людей мира умеет преподать, все оно необходимо нам. Что это столь ценное сокровище вверяется утлому судну нашей политики и бросается в беспредельные

волны разъяренных страстей, — тяжкое бедствие для страны, ибо его миссия возвращать к жизни мертвых огнем души…

Растрата наших духовных сил на авантюры, дурные с точки зрения нравственной правды, вызывает горечь в нашем сердце. Преступно превращать силу нравственную в слепую силу».[77]

Эти строки продиктовали ему громкие дебюты движения Отказа от сотрудничества и агитация, поднятая в Индии во имя *Калифата* и в виду преступлений в Пенджабе. Он боялся за последствия, которые все это будет иметь для народа слабого и подверженного приступам истерической ярости. Он хотел, чтобы народ отвратили от мысли о мщении или о неосуществимом возмездии, чтобы было забыто непоправимое, чтобы помышляли только о создании души величайшего из отечеств. Насколько он восторгался духом самопожертвования, ослепительным заревом освещавшим мысль и дело Ганди (об этом он говорит сам в письме от 2 марта 1921 г., которое я привожу дальше), настолько же был ему антипатичен элемент отрицания, который заключала в себе новая религия «Отказа от сотрудничества». Он испытывал настоящий ужас перед всяким: *нет!* И для него представляется случай противопоставить положительный идеал брахманизма, очищение радостями жизни, — искоренению их отрицательным идеалом буддизма. На это Ганди ответил, что отвергать так же необходимо, как принимать. Борьба людей слагается из обоих актов. Решительное слово Упанишад[78] —отрицание. И определение Брахмана, даваемое составителями Упанишад, заключается в слове: ***Neti:*** (нето!). Индия упустила слишком много случаев, чтобы сказать: «нет». Ганди возвращает ей такую возможность. «Прежде чем сеять, надо выполоть… надо вырвать с корнем зло».

Но, конечно, Тагор не желает ничего вырывать. Его поэтическая созерцательность примиряется со всем и всюду вкушает гармонию. И он выражает это на страницах гениальной красоты, но до крайности отрешенных от действенности. Это пляска Натараджи, играющей иллюзиями:

«Я стараюсь из всех сил согласовать образ моих мыслей с диапазоном великого чувства, восторженного возбуждения, проносящегося по моей родине. Но почему же внутри меня — этот дух сопротивления, несмотря на страстное желание избавиться от него? Я не нахожу ясного ответа, но вот во тьме моего изнеможения засветилась чья-то улыбка и чей-то голос сказал: „Твое место с детьми, на краю миров: там тебе будет покой, и там я буду с тобою“. И вот почему я забавлялся недавно, слагая новые рифмы. Это же только пустячки, радующиеся, что их захватило с собой течение времен, пляшущие на солнце и

исчезающие с улыбкой на устах. Но пока я играю, развлекается все мироздание, ибо листья и цветы разве они не проявления, ритма, никогда не умолкающего? Разве мой бог — не вечный расточитель времен? Он кидает звезды и планеты в вихрь бесконечных перемен; на поток „видимости“ он пускает бумажные кораблики „веков“, нагруженные его фантазиями. Когда я тормошу его и умоляю позволить мне остаться его маленьким учеником и принять несколько пустячков, сочиненных мною, как груз его игрушечного корабля, он смеется, а я бегу рысью за ним и цепляюсь за край его одежды… Но где же нахожусь я?

Посреди толпы, меня толкают сзади, меня теснят со всех сторон. И что за шум окружает меня? Если это пение, то моя ***ситар*** сможет уловить его мелодию, и я присоединюсь к хору, ибо я певец. Но если это плач, тогда голос мой заглохнет, и я оцепенею. Я силюсь все эти дни уловить мелодию, напрягая слух; но идея бойкота с ее страшным зычным голосом, с ее нарастающей угрозой, с ее воплями отрицания не звучит для меня песней. И я говорю себе: „Если ты не можешь итти нога в ногу с твоими соотечественниками, в момент великого кризиса их истории, поостерегись сказать, что они ошибаются, и что ты прав; но откажись от роли солдата, возвратись в твой уголок поэта, и будь готов принять на себя насмешку и немилость народа!“»[79]

Так говорил бы Гете — Гете Вакх Индии. И кажется, что отныне все сказано: поэт прощается с движением, которое он отрицает, и оплетает все вокруг себя чарами своего творчества. Но Тагор на этом не останавливается. «Судьба, как он пишет, избрала его, чтобы направить его ладью прямо против течения!» Он был не только поэтом; он был в этот миг своей жизни духовным посланником Азии при Европе и он явился к ней, чтобы испросить ее союза для учреждения Всемирного Университета в Шантиникетане.

«Какая ирония судьбы, что по эту сторону морей я являюсь проповедником сотрудничества культур Востока и Запада, как раз в тот момент, когда но ту сторону — идет проповедь Отказа от сотрудничества!»[80]

«Отказ от сотрудничества» оскорбляет его непосредственно как деятеля и как носителя определенного идеала. «Я верю в истинный союз Востока и Запада».[81]

Это движение оскорбляло Тагора с его богатым духовным миром, насыщенным всеми культурами мира.

«Вся слава человечества — мое богатство… ***Бесконечная личность человека*** (как говорят Упанишады) может проявиться только в грандиозной гармонии всех человеческих рас… Молитва

моя за Индию: пусть осуществится в ней сотрудничество всех народов мира. Единство да будет Истиной, раздел — Майей.[82] Единством охватывается все, и потому оно не может быть достигнуто посредством отрицания… Современные усилия разобщить нашу мысль от мысли Запада — это покушение на духовное самоубийство… Настоящий век был во власти Запада. Это стало возможным только потому, что на долю Запада выпала некая великая миссия на благо человека. Мы, люди востока, должны понять ее… Зло, несомненно, что уже долгое время мы не находимся в согласии с нашей собственной культурой и что поэтому культуре Запада не отведено ее настоящее место… Но говорить, что дурно оставаться в контакте с ней, это значит поощрять худшую форму провинциализма, который порождает только умственную скудость… Современная проблема—мировая проблема. Ни один народ не может спастись, порывая с другими. Или спасемся все вместе, или вместе исчезнем».[83]

Подобно тому, как Гете в 1813 г. отказался возненавидеть французскую цивилизацию, так Тагор не может примириться б отказом от цивилизации Запада. И хотя не Такова сущность идеи Ганди, он знает, что такой смысл вложат в нее потревоженные страсти индийского национализма. ***Он страшится наступления этого духовного варварства.***

«Студенты приносят свои жертвенные дары чему? Не образованию более совершенному, а отказу от образования… Я припоминаю, что при первом движении ***Свадеши***[84] ко мне явилась толпа молодых студентов, они сказали мне, что если я прикажу им покинуть школы и коллегии, они тотчас же исполнят мою волю. Я энергично запротестовал, и они ушли раздраженные, сомневаясь в искренности моей любви к матери родине».[85]

И как раз в эти весенние дни 1921 г., когда Тагор с таким неудовольствием узнал, что в Индии собираются бойкотировать английскую науку, он в самом Лондоне видел пример агрессивного интеллектуального национализма: на собеседовании английского профессора Пирсона, его личного друга, когда индийские студенты произвели неподобающую манифестацию. Тагор рассердился. В письме на имя директора Шантиникетана, он клеймит этот дух мелочной нетерпимости. Он винит за это бойкотистское движение. Ганди отвечает на его упреки.[86] Он не придает большого морального значения чисто литературной системе европейского воспитания, которая не имеет ничего общего с системой воспитания характера и которая повинна в расслабляющем влиянии на индийскую молодежь; он предает проклятию совершенные зверства, уверяет в своем свободомыслии.

«Я не хочу, чтобы дом мой был закупорен со всех сторон, чтобы окна мои были замурованы, я хочу, чтобы дуновение культуры всех стран носилось свободно по моему жилищу, но не хочу, чтобы оно унесло меня с собой. Моя религия — не религия темницы. В ней есть место для ничтожнейшего творения бога. Но она закрыта для наглого высокомерия рас, религий и племен».

Это благородные слова. Но они не выбивают оружия из рук встревоженного Тагора. Он не сомневается в Ганди, но он опасается гандистов, И как только он ступил на берег Индии, в августе 1921 г., ему стало душно от их слепой веры в слова учителя. Он чувствует приближение грозного деспотизма духа и в своем журнале «Modern Review» публикует «Призыв к Истине», где подымает голос против этого рабства мысли. Этот протест тем более поразителен, что ему предшествует блестящее восхваление личности Махатмы. Тагор, напоминая о первых шагах освободительного движения Индии в 1907–1908 гг.; говорит, что идеалы ее политических вождей были чисто книжными, что их вдохновляли тени Бёрка, Гладстона, Мадзини, Гарибальди и что они оказались неспособными выйти за пределы идей представителей избранного меньшинства английского народа.

«В этот момент явился Махатма Ганди. Он стоял на пороге хижины тысяч обездоленных, одетый, как они. Он говорил с ними их же языком. В его словах была истина, а не книжная цитата. И имя Махатмы, данное ему, его истинное имя. Кто другой почувствовал бы, что все люди Индии — его плоть и кровь? Прикоснувшись к истине, поникшие силы души выпрямились. Как только у ворот Индии показалась истинная Любовь, ворота широко распахнулись. Всякое колебание рассеялось. Истина разбудила истину… Честь и слава Махатме, показавшему наглядно силу истины!.. Так, когда Будда поведал истину Сострадания ко всем живым существам, истину, которую он познал, как плод самодисциплины, — Индия пробудилась в расцвете своей зрелости; ее силы распустились в форме наук, искусств и богатств; она переступила через границы морей и пустынь… Никакая торговля, никакая война никогда не совершала ничего подобного… Только Любовь—истинна. Когда Любовь приносит свободу, то эта свобода внутри нас».

Но этот апофеоз вдруг резко обрывается. За ним следует разочарование.

«Несколько звуков этого чудесного пробуждения Индии силою любви донеслось через моря и до меня… Я вернулся исполненный радости, надеясь вдохнуть в себя освежающий ветерок новой свободы, но то, что я застал, возвратившись, придавило меня. Гнетущая атмосфера нависла над страной. Не

знаю, какое внешнее давление, казалось, заставляло всех и каждого говорить на один лад, вращать один и тот же жернов. Я слышал повсюду, что разум и культуру следует посадить на замок; сейчас необходимо цепляться за слепое повиновение. Так просто растаптывается во имя внешней свободы внутренняя свобода человека!»

Мы знакомы уже с этой тревогой и с этим протестом. Они для всех времен одни и те же. Последние свободные мыслители умирающего античного мира поведали о них перед лицом грядущего на смену ему христианского мира. Перед лицом человеческих волн, которые взметнул сейчас прилив слепой веры, социальной или национальной, мы чувствуем, что и в нашей душе растет этот протест. Это вечный бунт свободной души против господства веры, порожденного ею же самой, ибо вера для кучки избранных—безграничная свобода; для народов, взывающих к ней — новое рабство.

Но упрек Тагора метит дальше фанатизма толпы — через головы людских масс, опьяненных покорностью, он настигает Махатму. Как ни велик Ганди, власть, которую он присвоил себе, не превосходит ли силы одного человека? Дело, подобное делу Индии, не должна быть вручено «учителю». Махатма—Учитель истины и любви. И, конечно, «золотая лоза, которая сможет пробудить нашу родину к истине и любви, не принадлежит к числу тех предметов, которые может изготовить чужеземный золотых дел мастер… Но наука и искусство создания ***Сваражджи*** — огромная задача. Пути к нему трудны и длительны. Для свершения подобной задачи порыв и чувство необходимы, но и знание и мысль также. Ради нее, экономист должен поразмыслить, рабочий поработать, воспитатель научить, государственный деятель многое рассудить. Одним словом, моральная сила страны должна проявиться во всех областях. Всюду надо оберегать дух исследования, хранить его неприкосновенность, не налагать на него оков. Нельзя запугивать его явным или тайным давлением».

Тагор призывает, таким образом, к сотрудничеству все свободные силы Индии.

«В наших древних лесах, наши ***гуру*** (мудрецы), охваченные видениями, бросали свой призыв всем искателям правды… Почему же наш ***гуру,*** который хочет вести нас по пути действия, не бросает нам тоже своего призыва?»

Но гуру Ганди бросил один только призыв каждому и всем: «Прядите и тките!»

«Разве это призыв нового века к новому творчеству? Если большие машины представляют опасность для духа Запада, не

являются ли ***маленькие машины*** еще худшей опасностью для нас?»

Недостаточно даже и того, чтобы все силы нации сотрудничали друг с другом; надо, чтобы они сотрудничали с силами вселенной. «Пробуждение Индии тесно связано с пробуждением мира… Отныне всякая нация, которая замкнется в себе, пойдет против духа новых времен». И Тагор, только что проведший несколько лет в Европе, вызывает образ людей, которых он встретил там, образ тех добрых европейцев, которые освободили свое сердце от оков национализма и посвятили себя служению человечеству, того преследуемого меньшинства граждан вселенной—cives totius orbis — которых он помещает среди Санньяси,[87] среди тех, кто в душе своей осуществил «единство общечеловеческое»…

«А мы, мы останемся одиноки, если удовольствуемся перебиранием четок отрицания, будем беспрестанно возвращаться к ошибкам других и силиться воздвигнуть здание Сварая на основах ненависти… Встрепенувшись на заре, птица не питается одним только поиском корма. Крылья ее отвечают неутомимо на призыв небес. Из ее горлышка несутся песни радости навстречу нового светила. Новое человечество шлет нам свой призыв. Пусть разум наш ответит на него своим собственным голосом… Наш первый долг перед зарей вспомнить ***того, кто един, кто не знает разницы между классами и племенами и благодаря разнообразию сил своих заботится о нуждах каждого класса и всех классов вместе. Обратился же с молитвою к тому, кто дарит нам мудрость, чтобы объединил он нас всех в честном взаимном понимании!»***[88]

Эта царственная речь, одна из самых возвышенных, какие слышали народы, эта залитая солнцем поэма властвует над всеми людскими схватками. И единственное возражение, которое можно было бы сделать против нее, это то, что она властвует слишком упорно. Тагор прав, если смотреть с высоты веков. Поэт — птица, ***жаворонок с орлиным полетом*** (как сказал Гейне об одном гиганте нашего музыкального мира), поет на развалинах храма. Он живет в вечности. Но настоящее его гнетет. Часы, что проходят, требуют немедленного облегчения его острых страданий, недостаточного, быть может, но — пусть будет, что будет! И на это Ганди, которому недостает размаха Тагора (или который, быть может, как Бодизатва Сострадания отказался от него, чтобы жить среди обездоленных), мог легко дать ответ.

И Ганди дал его на этот раз с большей страстностью, чем он обнаруживал раньше в этом благородном поединке. Ответ не замедлил; он появился 13 октября в ***Joung India —*** и проникнут

пафосом. Ганди благодарит ***великого дозорного***[89] за предостережение Индии от некоторых опасностей. Он согласен с ним в том, что необходимо свободное суждение.

«Не следует никому давать свой разум на хранение. Слепое безволье часто более вредно, чем вынужденная покорность под бичом тирана. Есть еще надежда для раба жестокого зверя; но нет ее для раба любви».

Тагор хороший зоркий страж, он предупреждает о приближении врагов, имя которым: ханжество, нетерпимость, невежество, инертность. Но Ганди не признает, что упреки Тагора справедливы. Махатма обращается всегда к разуму. И неверно, что в Индии повинуются слепо. Если страна высказалась за употребление прялки, это случилось после длительного и усердного размышления. Тагор говорит о терпении и удовлетворяется красивой песней. Это же война! Пусть поэт оставит свою лиру! Он сможет петь после. «Когда дом в огне, каждый берет ведро, чтобы затушить пожар…»

«Когда окружающие умирают за отсутствием пропитания, единственное дело, которое остается мне — кормить изголодавшихся… Индия — дом, охваченный огнем… Индия умирает от голода, потому что нет у нее работы, которая позволила бы ей найти пропитание. Кхульна умирает от голода… ***Ceded Districts*** переживают в четвертый раз голодовку. Орисса страдает от голода хронически… ***Индия слабеет с каждым днем.*** В ее членах кровь почти остановилась. Если, мы ничего не надумаем, она рушится… Перед народом, изголодавшимся и бездеятельным, бог смеет явиться только в одном образе: ***в образе Труда и обещания еды в оплату за него.*** Бог сотворил человека, чтобы тот добывал хлеб трудом своим, и сказал, что те, кто едят, не трудясь, — воры… Подумаем о миллионах человеческих существ, которые стали сейчас хуже зверей, которые почти при смерти! Прялка — жизнь для миллионов умирающих… Голод зовет Индию к прялке… Поэт живет завтрашним днем и хочет, чтобы мы жили им. Он рисует нашему восторженному взору прекрасный образ птиц, поющих ранним утром хвалебные гимны или совершающих свой полет. Эти птицы сыты. Они имеют свой корм ежедневно и они совершают полет на отдохнувших крыльях, кровь которых обновилась за ночь. Я же имел несчастье наблюдать птиц, которые за отсутствием сил не имели даже охоты слабо пошевелить своими крыльями. Птица человеческая под небом Индии просыпается еще более слабой, чем была, когда ложилась па покой. Для миллионов существ жизнь — вечное бдение или вечная каталепсия… Я считал невозможным смягчать страдания голодных песней Кабира…. Дайте им работу, чтобы

они могли есть!.. Но спросят, зачем мне, которому нет нужды трудиться ради еды, садиться за прялку? Затем, что я ем непринадлежащее мне. Я живу грабежом своих соотечественников: проследите путь каждой монеты, попадающей в ваш карман, и вы увидите, что я говорю правду… Надо прясть! Пусть каждый прядет! Пусть Тагор прядет, как все остальные! И пусть сожжет он свое чужеземное платье!.. Это долг сегодняшнего дня. Бог позаботится о завтрашнем, как говорит Джита: ***сверти дело праведное!*** Жуткие, трагические слова. Вся юдоль мира подымается в них против грез искусства и кричит им в лицо: „Посмейте отрицать меня!“»

Кто не поймет страстного волнения, охватившего Ганди, кто не разделит его? И тем не менее, в этом ответе, столь гордом и мучительном, таится нечто такое, что могло бы оправдать и страхи Тагора: это властный окрик подчиниться боевой дисциплине: Sileat poeta.[90] Повинуйся без рассуждений закону ***Свадеши,*** первое повседневное требование которого — употребление прялки!

В битве людской дисциплина — долг, несомненно. Но горе в том, что те, которым поручено проводить ее в жизнь, что наместники учителя чаще всего люди узкого ума: они для себя и для других создают идеал из того, что является только средством его достижения; догма пленяет их своей узостью, ибо только на узкой тропе они чувствуют себя хорошо. Для них ***Свадеши*** становится императивом, ***Свадеши*** принимает в их глазах священный характер. Один из главнейших учеников Ганди, профессор его школы, ***Сатиаграхашрам-Сабармати,*** наиболее дорогой его сердцу, в Ахмедабаде, Д. Б. Калелкар, выпускает ***Евангелие Свадеши***,[91] на заглавном листе которого Ганди помещает свое одобрение. Эта брошюра предназначается для народа. Посмотрим же, что представляет из себя это ***credo,*** которое вещает народу один из тех, кто стоит у самого источника истинного учения:

«Бог воплощается из века в век, ради искупления мира… Но он не должен появляться неизменно в образе человеческого существа… Он может появиться также в форме отвлеченного принципа или великой идеи, осеняющей мир… Новый *аватар*[92] — Евангелие Свадеши.

Евангелист соглашается, что это утверждение может вызвать улыбку, если в ***Свадеши*** видеть только бойкот чужеземных тканей. Но бойкот это только практическое применение ничтожной доли „великого религиозного принципа, предназначенного очистить весь мир от злобных раздоров и освободить человечество“. Сущность его содержится в святых

индусских писаниях. Вот что они гласят:

„Твоя личная Дхарма“[93] хотя и лишена заслуг, — наилучшая Дхарма. Свершение Дхармы не твоей собственной всегда окружено опасностями. Только тот достигает счастья, кто сосредоточивается на исполнении своего собственного предназначения».

Этот основной закон ***Свадеши*** опирается на веру в «бога, который печется во веки веков о счастии вселенной. Этот бог отвел всем существам человеческим ту среду, в которой каждый лучше всего исполнит свое назначение. Все дела человека должны быть согласованы с тем его положением, которое отведено ему в жизни… Так же мало, как наше происхождение, как наша семья или родина, может быть выбрана нами и наша культура; нам остается только принять то, что дано богом, мы обязаны держаться наших традиций, как исходящих от бога, и наш строгий долг соблюдать их. Отречение от них — грех».

Из этих догматов веры следует, что человек данной страны не должен заботиться о других странах.

«Правоверный ***Свадеши*** никогда не берет на себя задачу преобразовать мир, ибо он верит, что мир движется и будет всегда двигаться согласно плану, установленному богом… Не надо рассчитывать. что народ данной страны станет пещись о нуждах другой страны даже из соображений человеколюбия: и если бы даже это было возможно, это было бы нежелательно… Истинный правоверный ***Свадеши*** никогда не забывает, что каждое существо человеческое — его брат, но он должен исполнить свое назначение, предопределенное ему при рождении… Точно так же как мы обязаны служить веку, в который родились, мы должны во что бы то ни стало служить родной земле… Очищения души своей мы должны добиться при посредстве нашей собственной религии и нашей собственной культуры».

Но позволено ли народу развивать, по крайней мере, те силы, которые заложены в нем для расширения торговой и промышленной деятельности? Ни в коем случае! Недостойное желание — хотеть наделить Индию крупными мануфактурами! Это означало бы нарушение Дхармы других людей. Преступно также вывозить свои произведения и ввозить произведения других. Ибо «прозелитизм противоречит принципу *Свадеши*». И отсюда логическое следствие этого закона (само собою разумеется, для европейца): не следует экспортировать ни своих продуктов, ни своих идей! Если Индия была тяжко унижена в ходе своей истории, так это в целях искупления давнего преступления ее предков, которые вели торговлю с Египтом и Римом, преступления, повторенного всеми поколениями,

действовавшими неисправимо по примеру стариков. Пусть каждая сторона, всякий класс исполняет свое собственное назначение, живет своим собственным богатством и своими традициями!

«Будем избегать близости с теми, чьи социальные обычаи отличны от наших. Не следует переплетать свою жизнь с жизнью тех людей или народов, идеал которых не гармонирует с нашим… Всякий человек — ручеек. Всякий народ— река. Они должны течь по своему руслу, прозрачные и неосквернённые, пока не достигнут широкого моря своего спасения; там они сольются все вместе».

Здесь — национализм справляет свой триумф. Самый откровенный. Самый узкий. Оставайтесь дома! Закройте все двери! Не изменяйте ничего! Все сохраните у себя! Ничего не продавайте на сторону! Ничего не покупайте! Очищайтесь! Ведь это же евангелие средневековья, евангелие заточивших себя в монастырь монахов.[94] И Ганди с его великим сердцем позволяет связать с ним свое имя!

Понятно содрогание, какое испытывает Тагор перед этими фанатиками реакционного национализма, притязающими на то, чтобы остановить ход веков, посадить в клетку вольную мысль и сжечь все мосты, ведущие на запад.[95]

Но в действительности, это вовсе не истинная мысль Ганди. Он собственноручно пишет Тагору:. ***«Свадеши — весть, посланная миру»*** (следовательно, он считается с миром, он не отвергает «прозелитизма»). ***«Отказ от сотрудничества направлен не против Запада. Он направлен против культа материальных благ и против эксплоатации. слабых, являющейся его следствием»***. (Следовательно, он борется только против заблуждений Запада и работает на благо Запада). ***«Это отступление, но отступление домой»*** (отступление временное, чтобы собрать свои силы, прежде чем отдать их на служение человечеству). ***«Индия должна научить жить прежде, чем научить умирать за человечество»***…

Ганди отнюдь не отказывается от сотрудничества с европейцами, но при условии, что они присоединятся к тому относительному идеалу, который он указывает всем людям.

Эта истинная мысль Ганди бесконечно шире, человечнее, универсальнее,[96] чем идея евангелия, опубликованного под его эгидой.

Но чему же он дал этому евангелию свое имя? Почему позволил заключить свой величественный идеал, открывавшийся всему миру, в тесные границы индусского теократизма? Страшные ученики! Чем целомудреннее они, тем мрачнее. Да

избавит бог великого человека от друзей, способных постичь только часть его идей! Превращая ее в непреложный закон, они разрушают благотворную гармонию его живой души!

Но это не все. По крайней мере, его ближайшие ученики, что живут рядом со своим учителем, овеяны все-таки его нравственным благородством. Но те, что являются учениками его учеников, и все прочие, и народы, до которых доходит лишь искаженное, эхо его слов, что останется у них от его учения о внутреннем самоочищении и творческом самоотрицании? Только самое внешнее, наиболее материальное мессианское ожидание прихода ***Свараджи*** через применение пряжи! Отрицание прогресса! Fuori Barbari! Тагора тревожат не без оснований насилия, которые апостолы непротивления злу насилием (и Ганди сам в том числе) совершают, правда не в отношении людей, но в отношении предметов Запада. Ганди, правда, осторожно замечает, «что откажется от участия в борьбе, если почувствует в ней злобу против англичан», что нужно любить и. тех, с кем борешься, что надо ненавидеть только их неправые дела, *«**ненавидеть** сатанизм, **любя** сатану».*

Но это слишком тонкая игра мысли для ума народа. Когда на каждом конгрессе вожаки движения с такой пламенной горечью вспоминают преступления англичан и их вероломство, убийства в Пенджабе и Калифат, тогда гнев начинает биться за плотиной, и горе, если эта плотина прорвется! Когда в августе 1921 г. Ганди взирает на костры драгоценных тканей в Бомбее и отвечает на горькие мольбы Эндрьюса, друга Тагора, своей ***Этикой разрушения***,[97] он верит, что «отвращает гнев народный от людей и переносит его на вещи». Но он не замечает, что гнев народа развязывает себе руки, и подумывает: «Да, сперва примусь за вещи! Потом за людей!» И Ганди далек от мысли, что в этом же самом Бомбее через какие-нибудь три месяца народ станет убивать людей. Он слишком свят, слишком чист, слишком чужд животных страстей, притаившихся в человеке. Он не думает о том, что эти страсти тут же рядом с ним, что они прислушиваются к нему, ловят его слова. Тагор, человек более проницательный, замечает неразумие сторонников «Отказа от сотрудничества», которые, напоминая беспрестанно народу провинности, совершаемые Европой, в Невинном неведении думают, что исповедуют непротивление злу, вливая в народную душу яд, который вызовет насилия. Никакие сомнения не тревожат этих апостолов, сердцам которых чуждо насилие. Но кто борется за дело, должен прислушаться к сердцам других, а не к своему собственному. Чтобы сдержать толпу, народу недостаточно нравственных приказов даже Ганди. В одном только

случае народ мог бы подчиниться им, не посягнув на суровую дисциплину своего учителя: для этого учитель должен объявить себя богом, как тайно намекают ему те, что представляют его в образе Шри-Кришны. Но чистота Ганди и смирение его отвергают эту мысль.

И потому одиноко звучит голос целомудреннейшего из людей над рокотом людского океана. Сколько времени еще будут прислушиваться к нему? В ожидании этом — величие и трагизм!

IV

Весь 1921 г., в течение которого движение развертывалось все быстрее, полон сомнений и тяжких неудач. Ганди не остался от них в стороне.

Всюду происходило революционное брожение, и жестокие преследования правительства ускоряли темп движения. Кровавые восстания вспыхнули в Малегаоне, в округе Назак, разразились беспорядки в Джиридихе; в Бегаре. В начале мая 1921 г. — еще более тяжелые события в Ассаме: 12 тысяч кули, бросив работу на частных плантациях, подверглись при выходе нападению Гурков, состоявших на службе правительства. Служащие железных дорог и пароходных обществ в восточной Бенгалии объявляют общую забастовку в знак протеста, которая продолжается два месяца. Ганди все еще играет роль примирителя; в мае месяце происходит продолжительное свидание его с вице-королем Индии, лордом Ридингом. Ганди предлагает свое посредничество для переговоров с братьями Али, обвиняемыми в призывах к насилию; он добивается от друзей своих мусульман формального обещания никогда не прибегать к насилию.

Но сила движения не ослабела, и мусульманский элемент Индии продолжает вести себя вызывающе. 18 июля, в Карачи, конференция Калифата всей Индии вновь предъявляет требование ввести ислам, объявляет, «что служба в армии и содействие набору солдат мусульманам непозволительны», и угрожает английскому правительству, что если оно свергнет Ангорское правительство, провозгласить во время последней сессии конгресса всей Индии общегражданское неповиновение и Индийскую Республику. 28-го июля комитет конгресса всей Индии, собравшись в Бомбее (первый комитет, избранный на основании новой конституции), постановляет, что долг всех бойкотировать принца Уэллльского, приезд которого ожидается, объявляет полный бойкот всех иностранных тканей, приветствует национальное прядение и ткачество, начинает кампанию против крепких напитков, несмотря на покровительство, оказываемое правительством этим продавцам. Но в то же время, поступая более благоразумно, чем мусульмане Калифата, он осуждает беспорядки и не рекомендует для данного момента гражданского неповиновения, развивая в то же время пропаганду непротивления злу насилием.

В августе разражается жестокое восстание ***племени Моплах,*** которое длится много месяцев подряд. Ганди хочет отправиться вместе с Маулана Магометом Али, чтобы внести успокоение.

Правительство не разрешает и в сентябре отдает приказ арестовать Маулана Магомета Али, его брата Маулана Шауката Али и несколько других мусульманских почетных граждан за внесение предложения об сказании гражданского неповиновения, принятого на конференции Калифата. Немедленно же Центральный Комитет Калифата в Дели вновь подтверждает резолюцию Калифата, которую энергично поддерживают сотни митингов. 4 октября Ганди объявляет себя солидарным с своими братьями мусульманами. Совместно с пятьюдесятью именитыми членами конгресса он выпускает манифест, в котором требует для каждого гражданина права свободно выражать свое мнение об отказе от участия в управлении страной, подтверждает, что не подобает индусу находиться на службе в качестве должностного лица или солдата у правительства, которое вызвало моральный, экономический и политический упадок Индии, и провозглашает обязанностью каждого отложиться от него. Суд над братьями Али состоялся в Карачи. Их приговорили вместе с остальными подсудимыми к двум годам каторги. Индия ответила на это протестом еще большей силы. Манифест Ганди был одобрен 4 ноября Комитетом Конгресса всей Индии в Дели. Комитет делает решительный шаг: он уполномочивает каждую провинцию, под личной ответственностью, приступить к гражданскому неповиновению, начав с отказа платить налоги. Он ставит условие, чтобы ***сторонники бойкота*** присоединились открыто к программе ***Свадеши*** и Отказа от сотрудничества с правительством; в программу входило также ручное ткачество и, как главнейшее обязательство, непротивление злу насилием. Таким образом, комитет силится успокоить под руководством Ганди восставшие племена, применяя учение и заповедь самопожертвования. Чтобы ясно подчеркнуть эту сторону своей про граммы, Комитет предупреждает приверженцев бойкота и их семьи, что они не могут рассчитывать на денежную помощь конгресса.

Наступал день великого неповиновения, когда 17 ноября высадился в Бомбее принц Уэлльский. Бойкот принца был проведен средними и низшими классами. Богачи, парсы, должностные лица не приняли в нем участия. Толпа жестоко расправилась с ними, не пощадив и женщин, а затем вспышка эта быстро заглохла. Были разграблены дома, были убитые и раненые. Эта жестокая вспышка была единственной во всей Индии, где предписанный ***харталь*** (священная стачка) проводился с чувством религиозного трепета, мирно, без всяких инцидентов. Но этот взрыв, как говорит Ганди, «пронзил его, как стрела». При первом известии о беспорядках, он прибежал на

место происшествий, где был встречен приветственными криками бунтарей; от этого ему стало еще стыднее, он резко оборвал толпу и приказал ей разойтись. Он говорил, что парсы в праве были чествовать принца, если им хотелось, и что нет оправдания позорным насилиям. Толпа смолкла, но потом беспорядки вспыхнули снова. Худшие элементы вышли из-под земли: двадцать тысяч восставших людей нельзя образумить мановением руки. Во всяком случае мятеж не разрастался дальше. Самый ничтожный день наших европейских революций оставляет после себя больше зла. Ганди обратился к гражданам Бомбея и к отказавшимся от сотрудничества с призывами, преисполненными отчаяния, которые были воспроизведены и прессой. Он объявлял, что подобные события делают невозможным в данный момент осуществление общего гражданского неповиновения, и отменил свое прежнее распоряжение. Чтобы покарать себя за насилия, учиненные другими, — он возложил на себя религиозный пост в течение двадцати четырех часов в неделю.

Европейцев Индии в меньшей степени встревожили беспорядки, происходившие в Бомбее, чем поразительное единодушие, с которым проводился безмолвный харталь на всем протяжении Индии. Они умоляли вице-короля действовать. Провинциальными властями был принят целый ряд насильственных мер, не считавшихся с законами. Выкопали старый закон 1908 г. против анархистов и тайных сообществ; стали применять его к добровольцам Конгресса и Калифата, Было произведено несколько тысяч арестов. В ответ на это тысячи новых добровольцев потребовали занесения их в публикуемые списки. Провинциальные комитеты получили приказы приступить к организации добровольных отрядов и ввести среди них единообразную военную дисциплину. На 24 декабря, день посещения Калькутты принцем Уэллльским, был объявлен ***харталь.*** И в указанный день принц нашел Калькутту совершенно безлюдной.

В эти дни, в которые, казалось, зарождалась революция, открылся в Ахмедабаде Национальный Конгресс всей Индии. На нем чувствовался торжественный подъем Генеральных Штатов 1789 г. Только что посадили в тюрьму его председателя. Речи были кратки. Конгресс вновь подтвердил тактику отказа от сотрудничества, предложил гражданам записываться в «добровольцы», чтобы подвергнуться заключению, приглашал народ Индии созывать всюду митинги провозгласил неизменность своей веры в гражданское неповиновение, равное по силе вооруженному восстанию, но превосходящее его своей гуманностью, и советовал приступить к его организации, как

только народные массы усвоят в достаточной степени методы непротивления злу насилием. Предвидя, что большая часть членов Конгресса будет арестована после закрытия его сессии, он вверил все свои полномочия Ганди, фактически установив, таким образом, его диктатуру, предоставив ему право избрать себе преемника; конгресс превратил Ганди в полного властелина индийской политики, под одним только условием не изменять национального ***Символа веры*** и не заключать мира с правительством без согласия Комитета Конгресса. Одна из фракций Собрания внесла предложение, которое сводилось к применению насильственных способов воздействия в целях скорейшего установления полной независимости Индии. Большинство Собрания отвергло это предложение, придерживаясь принципов Ганди. В течение ряда недель, которые последовали за этим, вся Индия была охвачена религиозным энтузиазмом. 25.000 мужчин и женщин с радостью пошли в тюрьму.

За ними поднимались другие тысячи, ожидая своей очереди, чтобы доказать силу своей убежденности. Ганди готовился снова подать сигнал к общему неповиновению. Начать движение должен был образцовый край, ревностный исповедник его идей, — город Бардоли, в Бомбейской провинции.[98] Ганди извещает об этом вице-короля открытым письмом от 9 февраля 1922 г., представлявшим весьма учтивое, но решительное объявление войны. Ганди говорит в нем, что он является ответственным вождем движения. Бардоли становится первым центром массового восстания Индии против правительства, которое грубо посягнуло па свободу слова, собраний и печати. Ганди дает лорду Ридингу семь дней сроку, для изменения правительственной политики. Если он не изменит ее, будет отдан приказ, и восстание начнется.[99]

Едва было отправлено письмо вице-королю, как в округе Гаракхпура в Чаури-Чаура разыгралась еще более кровавая драма, чем предыдущие. Во время процессии полиция напала на толпу. Атакованная, в свою очередь, полиция открыла огонь и поспешила укрыться в Тхана,[100] толпа подожгла здание. Тщетно осажденные просили о пощаде, они были перебиты и сожжены, столкновение вызвано было полицией, и ни один доброволец из числа отказавшихся от сотрудничества не принимал участия в убийствах. Ганди был, таким образом, в праве отклонить от себя всякую ответственность. Но он стал поистине совестью Индии. От преступления любого индуса кровью обливалось его сердце. Он принимал на себя все прегрешения народа. Его душевные муки были так велики, что он во второй раз остановил движение, которое только что собирался вызвать. На этот раз положение

оказалось значительно более тягостным, чем после возмущения в Бомбее. Всего несколько дней тому назад он отправил свой ультиматум вице-королю Индии. Как выйти из положения, не став смешным в его глазах? Гордость, «сатана», как он говорил, не позволяла ему отступить. Тем скорее он на это решился.

16 февраля 1922 г. появился в ***Joung India*** самый удивительный документ его жизни,[101] ***Mea Culpa***,[102] его публичное покаяние.

До глубины души истерзанный скорбью, он обращает первые слова свои к богу, чтобы восславить и возблагодарить его за то, что унизил его гордость:

«Бог в щедротах своих оказал милость мне (God has ben abundantly kind to me). В третий раз предостерег он меня, указав, что Индия не прониклась еще духом истины и непротивления злу насилием, который только и может оправдать общее гражданское неповиновение, единственно достойное имени гражданского, т. е. кроткое, смиренное, мудрое, добровольное и все же любовью проникнутое, отнюдь не преступное и злобное. Он предостерег меня в первый раз в 1919 г., когда началась агитация против закона Раулэта. Тогда в заблуждение впали Ахмедабад, Вирамгам и Кхеда, тогда в заблуждение впал и Амритсар и Казур. Я отказался от своего решения, я признал свое заблуждение ошибкой, громадной, как Гималаи, я смирился перед богом и перед людьми, я не только остановил гражданское неповиновение масс, но отказался и сам от него… Во второй раз он предостерег меня событиями, разыгравшимися в Бомбее. Бог сделал меня очевидцем их… я приостановил неповиновение масс, которое должно было начаться в Бардоли. Унижение было еще более тягостное, но мне оно было по душе. Я знаю, что нация только выиграла от этой отсрочки: Индия осталась благодаря ей носительницей идеи истины и непротивления злу насилием. Но самое горькое унижение испытываю я сейчас… В Чаури-Чаура бог ясно сказал свое слово… В этот час, когда Индия притязает занять трон свободы, отказавшись от противления злу насилием, насилия, совершенные толпой, печальное предзнаменование… Нужен бдительный надзор сторонников отказа от сотрудничества над духом насилия, господствующим в стране. Это станет возможным тогда, когда будут обузданы ***хулиганы*** (люди без стада и совести) Индии»…

И 11 февраля он собирает в Бардоли Комитет действия Национального Конгресса и излагает перед ним свои сомнения. Многие из его сотоварищей оказались несогласными с ним. Но «благословение неба», как он говорит, было на нем, и он встретил среди них снисходительность и уважение к себе. Они поняли

муки его совести и согласились на его настояния, отказались от гражданского неповиновения, предложив всем организациям воспитать в народе дух непротивления злу насилием.

«Я знаю, продолжает Ганди, что все это покажется политикой недостаточно мудрой; но это разумно с точки зрения религии; благодаря испытанному мною унижению и благодаря исповеди моей в прегрешениях страна только выиграет. Единственная добродетель, по которой я томлюсь, это Истина и Непротивление злу насилием. Я нисколько не притязаю на сверхчеловеческие силы. Я не придаю им никакой цены. У меня такая же бренная плоть, как у слабейшего, и я также впадаю в заблуждения. Мои услуги очень ограниченны; но бог до сих пор благословлял их, несмотря на все мои личные несовершенства. Исповедь заблуждений это — взмах метлы… Я чувствую себя более сильным, потому что я исповедался, и дело должно выиграть от самого факта отсрочки. Никогда человек не достигал своей цели, настойчиво уклоняясь от прямого пути… Мне указывают, что преступление Чаури-Чаура не имеет ничего общего с предположенным движением в Бардоли. Я нисколько не сомневаюсь в этом. Народ Бардоли, по моему мнению, самый миролюбивый народ в Индии. Но Бардоли только одна точка. Усилия Бардоли могут увенчаться успехом лишь тогда, если между ним и другими частями Индии установится полная согласованность… Крупинка мышьяка отравляет целый горшок молока… Чаури-Чаура — смертельный яд… И это не исключительный и не единственный яд. Тут и там проявляются печальные симптомы народной злобы… Истинное неповиновение не терпит никаких злобных порывов. Гражданское неповиновение это школа безмолвного страдания, его действие чудотворно, хотя и неприметно и кротко… Трагедия в Чаури-Чаура это перст, указующий нам путь. Если мы не хотим, чтобы насилье создалось из непротивления злу насилием, мы должны поспешно вернуться назад, восстановить атмосферу спокойствия и не помышлять о возобновлении массового неповиновения, прежде чем не приобретем уверенности, что мир будет сохранен, несмотря ни на что… Пусть противник обвиняет нас в трусости. Лучше дурная слава, чем измена своему богу»…

И апостол хочет искупить кровь, пролитую другими. «Я должен подвергнуться личному очищению. ***Я должен приобрести способность более чутко отмечать самые легкие колебания нравственной атмосферы вокруг себя.***[103] Мои молитвы должны быть более правдивы и более смиренны. Нет лучшего очищения, чем пост: им достигается наиболее полное выявление своей истинной сущности, обуздание плоти духом…»

Он публично возлагает на себя пост продолжительностью в пять дней.

Пусть никто не подражает ему! Только он один должен понести кару. Он оказался неловким хирургом! Он должен либо отречься от своего дела, либо приобрести больше опыта и уверенности. Его пост—одновременно и покаяние и кара, как для него лично, так и для тех, кто согрешил в Чаури-Чаура, быть может, с его именем на устах, Ганди хотел бы только лично пострадать за них; но он советует им добровольно отдаться правительству и сознаться в совершенном. Ибо они причинили страшное зло тому делу, которому хотели послужить.

«Я хотел бы подвергнуться самым тяжким унижениям, всем мукам и пытке, полнейшему остракизму и даже смерти, чтобы только помешать нашему движению превратиться в насильственное или стать предвестником насилий»…

В истории человеческой совести мало страниц, исполненных такого величия. Подобный поступок обладает совершенно исключительной моральной ценностью; но как акт политический, он внес смятение. Ганди признал сам, что его решение могут счесть «политически нелепым и мало разумным». Опасно довести силы народа до крайнего напряжения, заставить его, затаив дыхание, ожидать приказа к выступлению, поднять руку для сигнала и потом, уже приведя в движение грозную машину, трижды ее останавливать. Тут раскуешь сточить колеса и сломать пружины.

Когда 24 февраля 1922 г. в Дели собрался Комитет Конгресса, Ганди смог добиться принятия резолюции, вынесенной 11 числа в Бардоли, только выдержав энергичную оппозицию. Наметился раскол среди сторонников Отказа от сотрудничества. Ганди хотел, чтобы была достигнута более прочная организованность, прежде чем двинуться в поход, и он представил целую организационную программу. Но многих раздражала медленность, они протестовали против отмены неповиновения и говорили, что таким образом заглушают, порывы народа. Одна фракция предложила выразить недоверие Комитету действия и требовала отмены его распоряжений. Ганди, тем не менее, одержал победу. Но он глубоко страдал. Он не обольщался даже насчет того большинства, которое последовало за ним. Он чувствовал его неискренность. И не мало из тех, что голосовали за него, называли его за спиной: «Диктатор». Он чувствовал в глубине души, что разошелся со страной. И он сказал это прямо, с бесстрашной своей откровенностью, 2 марта 1922 г.

«В большинстве так много скрытых течений, сознательных или бессознательных, в пользу применения насилия, что я молил

о роковом поражении. Я был всегда в меньшинстве. В южной Африке я начал с единодушного согласия всех, я опустился до меньшинства в 64 голоса, и даже до 16 голосов, и затем снова поднялся до подавляющего большинства. Лучший труд и наиболее прочный был совершен мною, когда я находился в пустыне меньшинства… У меня страх перед большинством. Мне противно поклонение нерассуждающей толпы. Я почувствовал бы более прочную почву под ногами, если бы она плевала мне в лицо… Один друг предостерег меня от злоупотребления диктатурой… Далекий от мысли злоупотреблять ею, я спрашиваю себя, не злоупотребляют ли мною? Признаюсь, что я питаю к ней больший страх, чем когда-либо. Единственное спасение мое в моей бесстыдной откровенности. Я предупредил моих друзей из Конгресса, что я неисправим. Всякий раз, как народ совершит какие-либо промахи, я буду гласно исповедываться в них. Единственный тиран, которого я признаю на этом свете, — „тихий голосок“ (the still small voice), который внутри нас. И если бы меньшинство свелось ко мне одному, у меня хватило бы мужества остаться и в этом безнадежном меньшинстве. Это единственная партия, в которую я верю. Сейчас я человек самый печальный, но, кажется мне, и самый мудрый. Я вижу, что непротивление наше — это только цветочная пыль. Мы горим негодованием, правительство подогревает наш гнев своими безрассудными мероприятиями. Можно было бы сказать, что оно хочет видеть наш край усеянным трупами, охваченным пожарами и грабежами, чтобы присвоить себе право расправиться с нами. Наше непротивление злу насилием мне кажется вызванным нашим бессилием, как-будто в душе своей мы льстим себя надеждой отомстить, как только представится случай. Разве добровольное непротивление может родиться из подобного вынужденного непротивления слабых.[104] Не пытаюсь ли я сейчас произвести напрасный опыт?… И если ярость вспыхнет, и никто не останется непричастным к ней, если рука каждого подымется на своего ближнего, — то чему поможет после такого несчастья мой пост, хотя бы я и довел им себя до смерти? Если вы неспособны к непротивлению злу насилием, соглашайтесь честно на насилие. Но не надо лицемерия! Большинство делает вид, что принимает непротивление… Что оно признает свою ответственность! Оно согласно теперь отстрочить гражданское неповиновение и завершить предварительно дело организации… Иначе мы погрузимся в воды, глубин которых и не подозреваем»…

И, обращаясь к меньшинству, он говорит ему:

«Вы не хотите непротивления злу насилием? Уходите из

Конгресса! Создайте новую партию! Открыто объявите ваше слово! И пусть страна сделает выбор между нами!.. Но никакой игры! Будьте правдивы!..»

Слышится мучительная, но мощная печаль в этих смелых словах. То была Гефсиманская ночь. Предстоял арест Ганди… И кто знает, не принимал ли он в глубине своего сердца это событие, как свое избавление?…

Он ждал его давно. С 10 ноября 1920 г. уже были приняты все меры. Он продиктовал народу свои распоряжения на случай, если наступит день, когда его не будет с ним (Jf Jam arrested).[105] И возвращается к этим распоряжениям снова в статье от 9 марта 1922 г. когда начали распространяться слухи об его аресте. Ему нисколько не страшны, говорит он, насилия правительства, он боится только одного: насилий со стороны народа. Они обесчестили бы его. «Пусть народ отпразднует день моего ареста, как день радости. Правительство полагает, что стоит схватить Ганди, и будет покончено с Индией! Докажите ему противное! Пусть измерит оно силы народа!» Самая высокая дань уважения, какую народ может ему оказать, это сохранить полное спокойствие. Ганди унизила бы мысль, что правительство не решается его арестовать из боязни кровавого восстания. Так пусть же народ остается спокойным, пусть не бросает своей работы, пусть не устраивает собраний! Но пусть закроются суды, пусть прекратятся занятия присутственных мест, пусть опустеют правительственные школы, пусть осуществится постепенно, всё ширясь, но в порядке, организованно, программа Отказа в сотрудничестве с правительственной властью. Если народ поступит так, за ним останется победа. Если нет, он будет раздавлен.

Когда все было готово, Ганди удалился в дорогое его сердцу убежище, Ашрам Сабармати, около Ахмедабада, и там, погрузившись в размышления, стал ожидать в кругу любимых учеников своих появления тех, кто должен был его арестовать. Он томился по тюрьме. В его отсутствие вера Индии обнаружится еще ярче. «А он найдет покой, который, быть может, заслужил»… [106]

Вечером 10 марта, вскоре после молитвы, явилась полиция. Ашрам; был предупрежден об ее прибытии. Махатма отдался ей в руки. По дороге в тюрьму он встретил Маулана Хасрат Могани, своего друга-магометанина, который прибежал издалека, чтобы обнять Ганди. Его отвели в тюрьму вместе с издателем Yuong India Бенкером. Жена Ганди получила разрешение проводить мужа до порога тюрьмы.

В субботу 18 марта, в 12 час. дня, начался «большой

процесс»[107] перед окружным судом и выездной сессией Ахмедабада. Процесс велся с редким благородством. Судья и обвинитель соперничали друг с другом в чисто рыцарской учтивости. Никогда Англия не подымалась в борьбе до таких высот великодушного беспристрастия. Судья Брумсфильд искупил в этот день много грехов правительства. Рассказ о процессе, опубликованный друзьями Ганди, появился частью в европейской прессе, и слух о нем дошел и до Франции. Поэтому я только намечу в немногих словах его ход.

Почему правительство решилось арестовать Ганди? Как могло оно, не решаясь на это целых два года, избрать для приказа об аресте как раз тот момент, когда Махатма собирался сдержать возмущение своего народа и, казалось, являлся единственной преградой против насилий? Было это непостижимым заблуждением? Или же оно хотело подтвердить страшные слова Ганди!: «Кажется, правительства хочет видеть нашу страну усеянной трупами, охваченной пожарами и грабежом, чтобы иметь предлог расправиться с нею!» Положение правительства было поистине тяжелое. Правительство уважало и боялось Ганди. Оно хотело бы погубить его; но сам Ганди не щадил его. Махатма осуждал насилие; но его непротивление оказывалось еще более революционным, чем любое насилие. В те самые дни, когда он противился проведению гражданского неповинения масс 23 февраля, накануне Конгресса в Дели, он опубликовал одну из своих статей, наиболее грозных для британского могущества. Дерзкая телеграмма лорда Биркснхэда и Монтегю подстегнула Индию.[108] Ганди в порыве гнева принял оскорбительный вызов.

«Никаких компромиссов с Империей, пока британский лев не спрячет перед нами своих окровавленных когтей!.. Британская Империя, построенная на организованной эксплоатации физически более слабых племен земного шара и на общепризнанном господстве грубой силы, не сможет существовать дольше, если есть справедливый бог, управляющий вселенной. Давно уже пора британскому народу отдать себе отчет в том, что борьба, начатая в 1920 г., есть борьба, которая будет доведена до конца, пусть она длится месяц, год, или месяцы и годы… Я молю бога дать Индии смирение и силы, достаточные для того, чтобы соблюсти до конца непротивление злу насилием. Но нельзя сносить безропотно дерзкие вызовы Британской Империи…»

Обвинение было основано на этой статье и на двух других, более свежих.[109] Ганди вменялось в вину «возбуждение неприязни, ненависти и презрения к законам и установленному правительству его величества». У него не было защитника. Он

признал себя виновным по всем пунктам обвинения.

Прокурор из Бомбея, Странгмэн указывал на то, что три инкриминируемые статьи не представляют исключения, что они являются частью целой кампании, развиваемой в течение двух лет против правительства, и он доказал это рядом цитат. Он признал высокое достоинство Ганди. Но зло, которое могли причинить эти статьи, было бы тяжким бедствием для страны. Он возложил на Ганди ответственность за кровавые события в Бомбее и Чаури-Чаура. Да, конечно, Ганди проповедывал не противление злу насилием, но в то же время и вражду. Следовательно, он повинен в насилиях, учиненных народом.

Ганди попросил слова. Угрызения совести, тревоги, сомнения последних дней относительно правильности решений, которые он должен был принять, беспокойство за то, какой отзвук они найдут в сознании народа — все это рассеялось. Он овладел своим духом и в нем воцарилась ясность. Он принимал все, что произошло, и что могло бы еще произойти, как нечто неизбежное, о чем он мог пожалеть, но что обязан был перетерпеть. Он выразил свое согласие со всем, что говорил прокурор. Да, он ответствен! Да, он ответствен всецело за все! Он проповедывал вражду, проповедывал ее еще гораздо раньше, чем предполагает обвинение. Это его страсть. Он принимает на себя весь позор Мадрасских беспорядков, «дьявольских преступлений» Чаури-Чаура и «безумных насилий» Бомбея…

«Прокурор прав, когда говорит, что я как человек, обладающий чувством ответственности, как человек, получивший хорошее образование, снявший добрую жатву с жизненного опыта, что я должен был предвидеть последствия своих действий. ***Да, я знал, что играю с огнем, знал, что подвергаюсь риску, и если бы мне дали свободу, — я снова поступил бы так же.*** Я много думал об этом последние ночи. Я почувствовал сегодня утром, что не исполнил бы своего долга, если бы не сказал того, что говорю сейчас. Я старался и стараюсь избежать насилий. Непротивление злу насилием— первый и последний догмат моей веры. Но мне приходилось выбирать: либо покоряться политической системе, которая, по моему убеждению, причинила непоправимое зло моей стране, либо принять на себя ответственность за тот безумный взрыв негодования, который охватит мой народ, когда он услышит из уст моих правду. Я знаю, что иной раз мой народ становится безумным. Я глубоко огорчен этим; и вот почему я здесь и хочу подвергнуться каре не легкой, но самой тяжкой. Я не прошу о милосердии, я не ходатайствую о признании каких-либо смягчающих обстоятельств. Я здесь, чтобы попросить и с радостью принять самую тяжкую кару, какая может

постигнуть за то, что закон считает преднамеренный преступлением, а я — первейшим долгом гражданина. Судьи, у вас нет выбора: или подавайте в отставку или покарайте меня!»…

После этой смелой импровизации, где в величественном аккорде с героической твердостью политического вождя разрешились сомнения религиозной совести, Ганди прочитал написанное им обращение к индийскому и английскому обществу.

В этом обращении он говорит, что обязан разъяснить людям, «почему из сторонника лояльности и ярого сотрудника британского правительства он стал противником его и непримиримым проводником „Отказа от сотрудничества“. Он восстанавливает перед ними Картину своей общественной жизни, начиная с 1893 года. Он напоминает им все, что пришлось ему претерпеть от британского правительства как индусу, свои двадцатипятилетние упорные старания улучшить эту систему во власти призрачной иллюзии, что это достижимо без отложения Индии от Империи. Вплоть до 1899 г., несмотря на все свои невзгоды, он защищал необходимость сотрудничества. Но насилия и преступления английских властей превзошли всякую меру. И правительство вместо того, что бы загладить их, точно бросая вызов совести Индии, чествовало, вознаграждало, наделяло пенсиями виновных. Само правительство порвало связь со своими подданными. Теперь Ганди пришел к убеждению, что даже предлагаемые Англией реформы будут гибельны для Индии. Правительство держится эксплоатацией масс. Законы составлены ради эксплоатации их. Закон проституирован в угоду эксплоататоров. Тонкая и властная система террора деморализовала народ и научила его притворяться. Индия разорена, Индия изголодалась. Индия пала, и многие в праве были сказать, что потребуется нарождение новых поколений для того, чтобы Индия могла управляться самостоятельно, как доминион. Ни одно правительство, притеснявшее Индию в прошлые времена, не причинило ей столько зла, сколько Англия. Отказ от сотрудничества с преступниками является нравственным долгом. Ганди свой долг исполнил. Но если раньше крайним средством борьбы считалось насилие, то теперь он дал в руки своему народу оружие непобедимое — Непротивление злу насилием.

И тут начинается рыцарский поединок между судьей Брумсфильдом и Махатмой.

„Господин Ганди, признав факты, вы до известной степени облегчили мне задачу. Но определение справедливой меры наказания — одна из труднейших обязанностей судьи…

Невозможно скрыть, что вы являетесь в глазах миллионов людей великим вождем и великим патриотом. Даже те, кто не разделяет ваших политических взглядов, считает вас носителем высоких идеалов, человеком благородной жизни и даже святым… Но мой долг судить вас только как человека, подчиненного закону… В Индии, вероятно, мало лиц, которые искренно не пожалели бы, чтобы вы сделали для правительства невозможным ваше оставление на свободе. Но это так… я стараюсь воздать вам должное, не причинив ущерба интересам государства“…

И он советуется галантно с подсудимым насчет того, какое наказание могло бы быть наложено на него. Он предлагает ему на усмотрение приговор, произнесенный двенадцать лет тому назад над Тилаком: шесть лет тюремного заключения…

„Не признаете ли вы его неразумным? Если ход событий позволит сократить срок, — не будет человека счастливее меня…“

Ганди проявляет большую сговорчивость. Он считает высокой честью присоединение его имени к имени Тилака. Легче этого приговора не мог бы вынести ни один судья большего уважения к себе на протяжении всего процесса он не мог бы ожидать.[110]

Процесс кончен. Друзья Ганди пали к его ногам с рыданиями. Махатма, улыбаясь, простился с ними. И ворота тюрьмы Собармати закрылись за ним.[111]

Ганди не был оставлен в Сабармати, где — с ним обращались хорошо. Его перевели сперва в какое-то потайное место, потом в Иеравду, затем в Пуну. Н. С. Гардикер (Hardiker) рассказывает в Unity от 18 мая 1922 г. (Ганди в тюрьме), что его подвергли одиночному тюремному заключению, как простого уголовного преступника, лишили каких бы то ни было привилегий, и что его слабое здоровье сильно пострадало. Но нам стало известно, что сейчас установился более гуманный режим. Ганди разрешено читать и писать.

Судя по тому, что рассказывал мне Ч. Ф. Эндрьюс, Махатма счастлив в тюрьме; он просил своих друзей не приходить к нему на свидание и уважать его желание оставаться в одиночестве; он очищается нравственно, он молится; он убежден, что его поведение самое действительное средство для возрождения Индии. — Эндрьюс уверяет, что партия гандистов много выиграла благодаря заключению Ганди в тюрьме. Индия верит в Ганди с большим усердием, чем когда-либо; она настойчиво считает его воплощением Шри-Кришны, который, как гласит сказание, победоносно выдерживает испытание тюрьмой. И Ганди, заключенный в тюрьму, успешнее чем па свободе, сдерживает взрыв насилий, опасность которых он сознавал.

V

С тех пор могучий голос пророка умолк. Его тело замуровано, как в гробнице. Но ни в одной гробнице нельзя схоронить идею. И незримый дух его продолжает одухотворять громадное тело Индии. ***Мир, Непротивление злу насилием и Страдание*** — вот единственная весть, пришедшая из его темницы.[112] И эта весть была услышана. Этот пароль пронесся с одного края страны до другого. Три года тому назад Индия была бы залита кровью из-за ареста Ганди. Когда в марте 1920 г. пронесся подобный слух, народы Индии поднялись. Приговор, произнесенный в Ахмедабаде, был встречен Индией в религиозном молчании. Тысячи индусов шли добровольно в тюрьмы, с кроткой радостью. ***Непротивление злу насилием и Страдание***… Один замечательный факт показывает, как глубоко проникли в душу народа его божественные речи.

Сикхи, как известно, были издавна самым воинственным племенем Индии; они массами служили во время великой войны. В течение прошлого года тяжкие распри поднялись среди них. Повод был ничтожный (с нашей европейской точки зрения). Религиозное возрождение ***сикхеизма*** повлекло за собою выступление секты ***акали,*** которые потребовали очищения святилищ. Эти святилища стали достоянием хранителей, пользовавшихся дурной славой; они отказались покинуть свои владения. Правительство, по соображениям формальным, взяло их под свою защиту. Тогда, приблизительно в августе 1922, началось ежедневное паломничество в Гуру-Ка-Багхе[113] в целях принятия мученического венца. Акали приняли учение непротивления злу. Тысячи Акали выстраивались подле святилища, четыре тысячи наполнили собой храм Золота в Амритсаре. Каждый день сто добровольцев (большинство в возрасте солдат, многие из них служили в последнюю войну) отправлялись в путь из храма Золота, дав обед не прибегать к насилию ни делом, ни словом и достичь Гуру-Ка-Багха или же быть унесенными замертво. Из другой группы в тысячу человек двадцать пять Акали произносили тот же обет. Недалеко от святилища, на мосту, их поджидала британская полиция с длинными шестами, на которые были насажены железные наконечники. И здесь ежедневно повторялись кошмарные сцены, которые набросал нам с незабываемой яркостью Эндрьюс, друг Тагора и профессор в Шантиникетане. Акали в черных тюрбанах, украшенных небольшой гирляндой белых цветов, идут навстречу полицейским и останавливаются на расстоянии метра от них: они

стоят перед ними молча, неподвижно, молясь. Полицейские сильно ударяют их своими длинными палками. Сикхи падают на землю, подымаются снова, если могут, продолжают также молиться; их вновь бьют, топчут ногами до потери сознания. Эндрьюс не слышал ни одного стона, не видел ни одного гневного взгляда. Вокруг них, на некотором расстоянии, сотня зрителей с лицами, подернутыми тревогой, молятся молча, и в молитве их слышатся восторг и страдание. „Это напоминало мне, говорит Эндрьюс, поклонение кресту“. Англичане, рассказавшие об этой сцене в своих газетах,[114] удивляются, ничего понять не могут, с сожалением признают, что это нелепое самопожертвование — блестящая победа на пользу армии сторонников Отказа от сотрудничества, и что народ Пенджаба околдован. Но благородный Эндрьюс, который благодаря чистому идеализму своему научился разгадывать душу Индии, увидел в этом, подобно тому, как Гете увидел в Вальми,[115] начало новой эры: „новый героизм, героизм, достигаемый через страдание, вырос на этой земле; новая война духа“…

Народ лучше усвоил идею Махатмы, чем те, кому поручено было быть его вождями. Мы знаем уже, что за двадцать дней до ареста Ганди, в Комитете Конгресса, собравшегося в Дели, дала о себе знать оппозиция. Она вновь заговорила, когда Комитет Конгресса собрался в Лукнове 7 июня 1922 г. Господствовало сильное недовольство из-за программы терпеливого собирания сил и выжидания, установленной Ганди; крепло желание перейти от нее к гражданскому неповиновению. Была избрана анкетная Комиссия, чтобы выяснить, достаточно ли подготовлена страна для Неповиновения. Она совершила объезд Индии, и ее отчет, представленный осенью, вызвал разочарование: он не только пришел к заключению, что в данный момент невозможно осуществлять Неповиновение, но половина членов Комитета (людей, нравственно закаленных) хотела, чтобы была отвергнута и гандистская тактика отказа от сотрудничества, чтобы был прекращен бойкот политических прав и была образована особая партия ***Сварадж*** внутри правительственных Советов; короче говоря, они хотели, чтобы отказ от сотрудничества сменился фактически парламентской оппозицией. Так была пробита брешь в учении Ганди: с одной стороны—„насильниками“ и с другой стороны—„умеренными“.

Но Индия запротестовала. Индийский Национальный Конгресс, на своем ежегодном собрании и конце декабря 1922 г. в Гайе, вновь решительно подтвердил свою верность заточенному учителю и свою веру в Отказ от сотрудничества. 1740 голосами против 840 он отверг предложение об участии в законодательных

советах.[116] И в конце концов было достигнуто единодушие для продолжении политической стачки, остались только ничтожные разногласия в деталях тактических приемов. Конгресс отказался от проведения общего бойкота английских товаров, разумно остерегаясь вызвать тем самым вражду европейских рабочих. Мусульманская Конференция Калифата, по обыкновению более смелая, чем Конгресс, вотировала бойкот значительным большинством голосов.

На этой странице истории великого движения Ганди нам приходится прервать свой рассказ. Несмотря па некоторые отклонения, неизбежные в отсутствии вождя, его лучших учеников и помощников (главным образом, братьев Али), находившихся, подобно ему, в тюрьме, оно с самого начала победоносно выдерживало тяжелые испытания и без своего руководителя. И те тревоги, которые открыто выражает английская печать, после Конгресса в Гайе, доказывают, что движение достигло значительных успехов.

Что станет с ним дальше? Англия, наученная ошибками прошлого, не сможет ли более искусно овладеть этим народным подъемом? Не ослабеет ли настойчивость народа? У народов короткая память; и я сомневаюсь, чтобы народы Индии помнили долго наставления своего Махатмы, если бы они не были начертаны давным давно в глубинах народной души. Ибо если гений велик только своей гениальностью, то будет ли он в согласии с тем, что его окружает, или нет, он станет гением движения только тогда, когда будет отвечать инстинктам своей расы, нуждам своего времени и ожиданиям мира.

Таков Махатма Ганди. Его принцип *Ахимсы* (Непротивления злу) был начертан в душе Индии две тысячи лет тому назад: Магавира, Будда и культ Вишну зародили в сердцах миллионов потребность в этом принципе. Ганди только влил в него свою героическую кровь. Он пробуждает тени гигантов, силы прошлого, погрузившиеся в сон и оцепеневшие в смертельной летаргии. И по голосу его они поднялись. Он не только — слово; он — пример. Он воплотил их. Счастлив человек, который воплощает в себе целый народ, который воскрешает из мертвых свою страну.

Но подобное воскрешение не случайность. И если дух Индии исходит из ее храмов и ее лесов — это значит, что он несет миру давно жданный им предопределенный ответ.

Ответ этот несется далеко за пределы Индии. Но только Индия могла его дать. Он свидетельствует не только о величии ее, но и о готовности к жертве. Он может стать ее крестной ношей.[117]

Кажется, что этот ответ всегда бывает обманчив для того, чтобы мир мог обновиться, чтобы народ мог принести себя в жертву. Иудеи были принесены в жертву своему Мессии, они в течение веков вынашивали его в своем сердце, лелеяли в душе и не признали его, когда на кровавом кресте он наконец показался им. Индусы более счастливы: они признали своего Мессию. И вот почему они с радостью идут на жертву, которая должна их освободить.

Но подобно тому, как и первые христиане, не все понимают истинный смысл этого освобождения. Христиане долго ожидали, чтобы на земле adveniat regnum fcuum (да нриидет царствие твое). Надежды индусов не идут дальше наступления царствия ***Свауаджи*** в Индии. И я думаю, что этот политический идеал будет—иным, правда, способом— скоро достигнут. Европа, истекающая кровью из-за войн и революций, обедневшая и усталая, лишенная своего престижа в глазах Азии, которую она угнетала, не будет в силах противодействовать долго пробудившимся на азиатской земле народам Ислама, Индии, Китая и Японии.

Но было бы еще мало, если бы несколько новых наций, хотя бы и несущих новые гагармонии, способные обогатить человеческую симфонию, если бы пробудившиеся национальные силы Азии не оказались вестниками нового смысла жизни и смерти и (что имеет наибольшее значение) служения всему человечеству, если бы они не прозвучали новым напутствием исчерпавшей свои силы Европе.

По миру пронесся вихрь насилий. Гроза, сжигающая урожай нашей цивилизации, не была неожиданной. Целые века грубой национальной надменности, доведенной до исступления идеологией, сделавшей идолом своим революцию, разносимой повсюду слепой подражательностью демократии, и в довершение век бесчеловечного индустриализма и прожорливой плутократии, порабощающего машинизма, экономического материализма, в котором, задыхаясь, умирает душа, — все это должно было роковым образом привести к беспорядочным схваткам, в которых исчезли сокровища Запада. Недостаточно сказать, что в этом заключалась необходимость. В этом сказалась древняя ***Дике*** (Справедливость). Каждый народ перерезает горло другому во имя тех же самых принципов, которые, в сущности, прикрывают одни и те же каиновы интересы, одни и те же каиновы вожделения. Все — националисты, фашисты-большевики, угнетенные народы и угнетенные классы, народы-угнетатели и классы-угнетатели, — каждый требует для себя, отказывая в этом другим, права на насилие, которое кажется им истинным Правом.

Полвека уже Сила господствует над Правом. Сейчас еще хуже: Сила стала Правом. Сила пожрала Право.

В этом старом мире, который рушится, нет уже убежища, нет надежды. Нет великого светоча. Церковь дает успокоительные советы, добродетельные и тщательно отмеренные, и зорко следит за тем, чтобы не поссориться с власть имущими; в конце концов она раздает советы, но не подает примера. Пустозвонные пацифисты протяжно завывают и чувствуется, что они робеют, что говорят об идее, в которую они уже не верят. Кто докажет им, что их вера истинна? И как исповедывать ее посреди мира, ее отрицающего? Как вера докажется? Делом!

Вот „Весть миру“, как выражается Ганди, весть идущая из Индии; ***„Пожертвуем собой!“***

И Тагор повторяет ее словами магическими, ибо этот гордый принцип сливает Тагора и Ганди воедино.

…Я надеюсь, что будет расти и станет мощным этот дух самопожертвования, эта готовность пострадать… Вот истинная свобода!.. Нет ценности более высокой, — даже национальная независимость не так дорога… Запад несокрушимо верит в силу и материальные богатства, поэтому он будет тщетно кричать о мире и разоружении, но только сильнее будет расти его свирепый рев. Таков удел рыбы, которая, обидевшись на давление вод, захотела бы подняться на воздух: блестящая идея, но совершенно неосуществимая для рыбы. Мы, народы Индии, мы должны показать миру, что есть истина, которая не только делает возможным разоружение, но и превращает его в силу. Что нравственная сила превосходит своей мощью силу грубую — это будет доказано народом, ***не имеющим оружия.*** Эволюция жизни показывает, что она постепенно сбрасывала с себя страшный груз вооружения и чудовищные массы плоти, пока человек не стал победителем животного мира. Наступит день, в который человек с нежным сердцем, совершенно освободившийся от вооружения, покажет миру, что только мягкие душой наследуют землю. Поэтому логично, что Махатма Ганди, слабый телом, лишенный каких-либо материальных средств, пробуждает огромные силы нежных сердцем и смиренных духом, которые таились в душе оскорбленных и униженных народов Индии. Судьбы Индии предназначили ей союзником ***Нарайана,*** а не ***Нарайани-сена,*** мощь души, а не мощь мускулов. Она должна поднять историю человечества с топких низин материальной борьбы на высоты, где идут битвы духа… Хотя мы могли бы злоупотребить фразами, заученными у Запада, тем не менее ***Сварадж*** не наша цель. Наша борьба — борьба идейная. Это борьба за человека. Мы должны освободить человека от сетей, которыми опутал он себя, от этих

организации национального, эгоизма. Нам надо внушить мотыльку, что свобода небес выше уюта тесного кокона… В нашем языке нет термина для слова Нация. Когда мы заимствуем это слово у других народов, оно совеем не подходит нам, ибо мы должны держаться ***Нарайана,*** верховного существа, и наша победа не даст нам ничего, кроме завоевания царства божия. Если мы сможем вызвать на бой сильных, богатых, вооруженных, явив миру мощь бессмертного духа, тогда сгинет гигантский замок Плоти. И человек найдет тогда истинный свой ***Сварадж.*** Мы, нищие Востока, одетые в рубище, мы завоюем свободу для всего Человечества»…

О Тагор, о Ганди, вы — реки Индии, подобные Инду и Гангу, возьмите в свои двойные объятия Восток и Запад; один из вас— трагедия действенного героизма; другой — прекрасная греза духа. Бог — ваш источник; струясь по миру, взрытому сошником насилия, сейте его семена!

«Наша борьба, заявляет Ганди, ***имеет целью дружбу со всем миром… Идея Отказа от сотрудничества открылась людям и останется среди них. Она — вестница мира для вселенной»…***

Всеобщий мир далек. У нас нет на этот счет никаких иллюзий. В течение полувека мы видели в избытке и ложь, и подлость и жестокость людского рода. Но это не мешает нам любить людей. Ибо даже в самых презренных таится nescio quid Dei. Мы нисколько не игнорируем ни роковой власти материальных сил, нависшей над Европой XX века, ни неотвратимого детерминизма экономических условий, сжимающих ее в своих тисках, ни целых веков ужасных страстей и потрясающих заблуждений, создающих вокруг наших душ твердую кору, непроницаемую для света. Но нам известны также чудеса духа. В качестве историка, мы знаем, что молнии духа прорезали небеса более мрачные, чем наши. Паша жизнь — один час, но до нас доносится из Индии барабанный бой Шивы, ***«Учителя-Плясуна, который скрывает свой губительный взор и замедляет свои шаги, чтобы спасти вселенную от погибели»***. [118]

Реальные политики насилия (революционеры или реакционеры) издеваются над этой верой и тем обнаруживают своё неведение относительно глубочайших реальностей. Пусть издеваются! Я же верю. Я вижу, как бичуют и преследуют ее в Европе, и в моей родной стране нас только небольшая кучка (даже кучка ли?)… но если бы оказалось, что я единственный верующий, какое это имеет для меня значение? Сущность веры не отрицание господства в мире вражды, — сущность веры: видеть

вражду и все же верить; несмотря на нее — верить, это еще лучше! Ибо вера—это борьба, И наше непротивление злу насилием — наиболее суровая борьба. Путь мира—не путь слабости. Мы меньше враги насилия, чем слабости. Без участия силы нет ни зла, ни добра. И лучше зло, чем кастрированное добро. Ноющий пацифизм смертелен для дела мира: он труслив и лишен веры. Пусть те, что не верят или боятся, уйду прочь!

Путь мира- самопожертвование.

Таков урок Ганди. Ему недостает только крестной ноши. Всякий знает, что не будь иудеев, Рим лишил бы этой ноши Христа. А Britisch Empire стоит Римской Империи. Но сигнал дан. Душа народов Востока взволновалась до самых своих тайников, и трепет ее даст о себе знать всей земле.

Великие религиозные явления Востока имеют свой ритм. Из двух исходов возможен один: либо Ганди победит, либо Ганди повторится вновь, — как веками раньше повторились Мессия и Будда, — пока не воплотится окончательно в смертного полубога принцип Жизни, который приведет новое человечество к новому этапу.

notes

Примечания

1

Таков буквальный смысл этого имени, избранного для Ганди индусским народом: Маха— великий; Атма — душа. Слово это восходит к Упанишадам, где оно обозначает Верховное Существо, а через приобщение к нему посредством знания и любви — тех, которые слились с ним:

> Он Единый, пресветлый, творец Всего, Махатма,
> Вечно живой в сердцах народов,
> Он познается душой, наитием и разумом.
> Тот, кто познал его, становится бессмертным.

Тагор, посетивший в декабре 1922 г. Ашрам (любимое местопребывание Ганди) цитировал этот прекрасный стих, прилагая его к апостолу.

Ч. Ф. Эндрьюс, который добавляет: «Он смеется, как ребенок, и обожает детей».

3

«Немногие могут устоять против обаяния его личности. Самые яростные из его противников становятся вежливыми, благодаря его рыцарской учтивости» (Джозеф Ж. Док).

4

Всякое уклонение от истины, даже мимолетное, для него невыносимо (Ч. Ф. Эндрьюс).

5

Он не пламенный оратор; его манера говорить спокойна и нетороплива; он обращается преимущественно к разуму. Но его спокойствие освещает предметы самым ясным светом. Модуляции его голоса довольно однообразны, но проникнуты напряжением искренности. Никогда он не жестикулирует руками, он редко двинет пальцем во время речи. Его яркое слово, выраженное в форме сжатых нервных сентенций, обладает непреложной убедительностью. Он не оставляет ни одной мысли, прежде чем не убедится, что она хорошо понята (Джозеф Ж. Док).

6

Joung India. 2 марта 1922.

7

Там же.

8

А — отрицательная частица, химза — делать зло. Не причиняй обиды ничему живому. Непротивление. Один из древнейших принципов индусской религии, в частности, установленный Махавирой, основателем Джайнизма, Буддой, равно как и приверженцами культа. Вишну, имевшего большое влияние на Ганди.

9

До 7 лет он учился в первоначальной школе Порбандара, потом в общественной школе в Раджпоте; после 10 лет в 'высшей школе в Катнаваре, наконец 17 лет в Ахмедабадском университете.

10

Он рассказал свое детство в непринужденной речи, на Конференции нечистых классов (париев), 13 апреля 1921 г.

11

Позднее он признавался в своих страхах Джозефу Ж. Доку. Он потерял сон; он считал себя убийцей.

12

Был обручен в 8 лет, женился 12-ти. Впоследствии он боролся против браков детей, в которых видел причину разрушения расы. И все-таки он добавляет, что исключительно такое соединение на всю жизнь, начавшееся прежде, чем сложились характеры, может создать между супругами чудесное единство душ. Его собственный брак послужил тому изумительным примером. Жена Ганди разделяла все испытания своего мужа с неизменной верностью и мужеством.

Эти предшественники, политическая смелость которых была значительно превзойдена позднее, страдали от неблагодарности и забвения новых поколений. Но Ганди остался им верен, в особенности Гокхалю, с которым он был связан почтительной любовью. Несколько раз призывает он молодую Индию к почитанию его имени и имени Дадабхаи (см. Хинд Сварайдж, письмо к парсам от 23 марта 1921 г. и «Символ веры» от 13 июля 1921 г.).

14

Он зарабатывал, говорит Гокхаль, от 5 до 6 тысяч фунтов в год. С этих же пор он стал проживать три фунта в месяц.

15

The golden Number of Indian Opinion, опубликованный в Фениксе в 1914 г., воспроизводит длинное письмо Толстого к Ганди, написанное в сентябре 1910 г., незадолго до смерти первого. Толстой читал Indian Opinion и радовался тому, что узнал о непротивлении индусов. Он поощряет движение и говорит, что «непротивление это закон любви, т. е. стремление к общению человеческих душ». Это закон, провозглашенный Христом и мудрецами всего мира.

Наш друг Павел Бирюков нашел в архиве Толстого в Москве еще другие письма Толстого к Ганди Он опубликовал их недавно вместе с письмами Толстого к азиатам под общим заглавием: *Толстой и Восток.*

16

Он сам рассказал с спокойным добродушием о своих тюремных испытаниях в любопытной статье, напечатанной в книге: Speeches and writings of Ж. К. Gandhi, Natesan, Madras, стр, 152–178.

17

В 1907 г. своими собственными соотечественниками: ему приходуюсь страдать одновременно и от жестокости притеснителей и от жестокости притесняемых. Последним казалась подозрительною умеренность Ганди, и правительство делало с своей стороны все, чтобы его скомпрометировать.

18

Джозеф Ж. Док, беседы которого с Ганди в Трансваале так много раскрывают, заканчивает свою книгу в октябре 1908 г. образом Ганди в костюме каторжника, препровожденного в форт Иоганнесбурга и брошенного в одну камеру с китайцами, совершившими преступление уголовного характера.

19

Вмешательство двух благородных англичан— Ч. Ф. Эндрьюса и В. В. Пирсона—оказало существенную помощь усилиям Ганди.

20

Его любимый учитель Гокхаль, который недавно умер, взял с него обещание, что он не будет принимать активного участия в политической деятельности до тех пор, пока, по меньшей мере в течение года, не попутешествует по Индии н не увидит вблизи своего народа, с которым он утратил контакт.

21

Можно считать 28 февраля 1919 г. началом движения Сатиаграха.

22

«Человечество едино. Существуют различия рас; но чем раса выше, тем больше её обязанности» (Ethical Religion).

23

27 октября 1920 г.

24

20 июля. — «Моя вера не требует, чтобы я считал все тексты данными в божественном откровении… Я отказываюсь связывать, себя каким-либо толкованием, как бы учено оно ни было, раз оно противно разуму или нравственному чувству»… (6 октября 1921 г.).

25

«Ищите царствия божия и Иисуса, и остальное воздастся вам»

26

Он говорил также Джозефу Ж. Доку: «Бог под различными формами воплощался в веках. В *Гите* Кришна говорит: „Когда религия клонится к упадку, когда преобладает неверие, я обнаруживаю себя. Ради поощрения добра, ради разрушения зла, ради укрепления Дхармы (религии), я возрождаюсь снова и всегда“.

„Христианство составляет часть моей теологии. Христос это сияющее воплощение бога. Но не единственное. Я не мыслю его на одиноком троне“…

27

Брошюра Hind Swaraj содержит в конце составленный Ганди перечень произведений Толстого, которые оп рекомендует прочесть (а именно: |,Царство божие внутри вас», «Что такое искуство?» «Что делать?»). — Он говорит Джозефу Ж. Доку о глубоком влиянии, которое имел на него Толстой. Но он добавляет, что не является последователем его политических идей. — На поставленный ему в 1921 г. вопрос: «Каковы ваши отношения с графом Толстым?» Ганди отвечал в Young India (25 октября 1921): «Отношения преданного почитателя, который обязан ему многим в жизни».

Особенно он любил книгу Рескина «Crown of Wild Olive» (Вершина дикой оливы).

29

«Апология и смерть Сократа», переведенная Ганди, находилась в списке книг, запрещенных правительством в Индии в 1919 г.

Здесь не место останавливаться на культе идолов. «Я не поклоняюсь им, — писал Ганди, — но это поклонение составляет часть человеческой природы». Он рассматривает его как потребность, — достойную уважения, присущую слабому человеческому уму, который порой нуждается в материализации своей веры, чтобы обожать еще больше. Словом, в этом нет ничего иного, чем то, что мы видим во всех католических церквах.

31

Когда на протяжении веков первоначальные классы застыли в форме надменных каст, Упанишады подняли голос протеста.

32

Это выражение часто вырывается из-под пера Ганди. «Вера в париев — это измышление сатаны» (19 июня 1921 г.).

33

Не надо забывать, что одна из главных претензий Ганди к европейской медицине в том, что она прибегает к вивиссекции, «этому мрачнейшему из человеческих преступлений».

В частности в том, что касается отношения полов, его суровое учение напоминает ап. Павла.

Ганди старается спасти если не европейскую науку, то хоть необходимость научных изысканий с их строгой дисциплиной. Он преклоняется перед рвением и готовностью к жертвам европейских ученых, которых часто ставит выше приверженцев индусской религии. Он уважает ум; он только оспаривает пути, им избранные. Но несмотря на эти ограничения, антагонизм очевиден. И по этому поводу Тагор, как мы увидим ниже, выступает с протестом против «средневековости» культа Ганди.

36

Пятая часть населения земного шара.

37

Этимологически: *swa* — **self,** сам: *raj* — правительство. Автономия. Слово такое же древнее, как Веды; но оно было снова открыто и введено в политический лексикон Дадабхаи, учителем Ганди.

Этимологически — ***salya:*** справедливый, право; ***agraha***: опыт, попытка. Его прилагали специально к непринятию несправедливости, Ганди определяет его так: «Держаться истины; сила истины; сила любви или сила души, и наконец… торжество истины через силу души и любви».

39

Одно из правил школы *Сатиахраха Ашрам,* основанной Ганди — *отсутствие страха,* «душа, освобожденная от страха королей, народов, каст, семьи, людей и диких животных, смерти». Это также четвертое правило ненасильственного сопротивления в *Хинд Сварадж* (три остальных — это Целомудрие, Бедность, Правдивость).

40

Еще за несколько месяцев до своего ареста Ганди отвечает на резкие упреки, адресуемые ему за «нелогичность» его политики. Вспоминают с насмешкой о помощи, которую он оказал Англии в Южной Африке и во время мировой войны. Еще в этот момент он ни от чего не отрекается в своем прошлом поведении. Он честно верил, говорит он, что был гражданином Империи, не его дело было судить правительство; он считал бы неудобным, если бы каждый изображал из себя судью своего правительства. Он оказывал кредит уму и честности Англии до тех пор, пока мог. Уклонения правительства от надлежащего пути вырвали с корнем его доверие. Пусть правительство само несет за это ответственность! (17 ноября 1921 г.).

Оно делает хуже. Оно портит того, кто его употребляет. «Жестокости союзников против Германии, — говорит Ганди, — имели результатом лишь то, что сделали союзников похожими на немцев, действия которых они клеймили в начале войны» (9 июня 1920).

42

Как бы сурова ни была натура, она растает на огне любви. Если она не смягчается, то это только оттого, что огонь не достаточно горяч (9 марта 1920). Приверженцы Сатиаграха подписывают массами обязательство отказывать в повиновении дурным законам, по указанию комитета Сатиаграха, послушно следовать по пути истины и воздерживаться от всякого насилия против жизни, личности и собственности.

43

Это идустанское слово, мусульманского происхождения, означает: «остановку работы».

Со своей стороны Ганди начатое им движение 18 апреля 1919 г., чтобы успокоить возбуждение, вместо того, чтобы использовать его, как сделал бы всякий другой революционер.

Этимологически: ***swa, self—*** сам; ***deshi*** — страна, национальная независимость. Приверженцы отказа в сотрудничестве понимают ее, главным образом, в ограниченном смысле ***экономической независимости.*** Но мы увидим дальше, какое «Социальное евангелие» извлекли из нее ученики Ганди (The gospel of Swadeshi).

46

То, что Карл Маркс **называет «la voyoucratie»** — господство уличной толпы, черни.

Таково, но крайней мере, толкование Ганди. Осмелится ли европеец сказать, что усматривает в Бхагавад-Гита хотя бы только спокойное безразличие к совершенному и испытанному насилию?

В *Письмах к парсам,* крупным торговцам, Ганди заклинает их закрыть свои магазины с напитками (23 марта 1921 г.). В *Письме к умеренным* (8 июня 1921 г.) он требует, чтобы они, даже если в остальном не согласны с его программой, направили свои усилия на этот пункт. Одновременно он борется с торговлей наркотическими средствами, с курильнями опиума.

49

Ганди сам знает, что над ним будут смеяться. «Ыо, — говорит он, — разве иголка уступила место швейной машине или рука пишущей машине. Прялка нисколько не утратила своей полезности. И она сейчас является национальной необходимостью, единственным возможным рессурсом для миллионов голодных» (21 июня 1920 г.).

50

2 февраля 1921 г.

51

Кабир жил в XV в., по происхождению мусульманин; автор **5000** изречений и стихотворений религиозного характера — Прим. перев.

52

Ауренг-Зиб — «Краса трона», индийский великий могол, род. в 1619 году; любил великолепие и роскошь; покровитель наук и искусств. Прим. перев.

53

Англо-Индийская Коллегия в г. Алигаре, в сев. — зап. провииц. Брит. Индии. Прим. перев.

Кхалса или *Халса* — «собственность, удел» бога по-арабски, первоначальное наименование общины сикхи. *Прим. перев.*

55

Сикхи — «ученики» — одна из замечательных новейших индусских сект, основана в начале XVI века; культ отличается простотой и чистотой, терпимостью, сменившей прежний фанатизм. *Прим. перев.*

Гуджарати — один из ново-индийских языков, санскритского происхождения. *Прим. перев.*

Дхарма — древняя религия индусов. *Прим. перев.*

Пали — один из средне-инд. диалектов, потомок древне-ипд. яз. *Прим. перев.*

Маадха — древний индийский язык. *Прим. перев.*

Английский язык не исключается (как и не один европейский язык вообще). Изучение его откладывается к концу школьного курса. Но изучение диалектов продлится в течение всего университетского курса. Ганди мечтает о высшем состоянии всей мировой культуры, где все различия гармонически сочетаются в единстве, не как элементы разобщения, а как «грани одного драгоценного камня».

Не следует смешивать это с профессионализмом, т. к. дело идет об освобождении души от всякой профессиональности.

Туземные языки южного Индостана. *Прим. перев.*

63

Акали — «верный предвечного» — хранители святилища Сикхо (в Амритсаре, гор. в Пенджабе). *Прим. перев.*

23 марта 1921 г. — Персов в Индии зовут парой. *Прим. перев.*

65

6 октября 1920 г., 11 мая, 18 мая, 8 июля, 20 октября 1921 г.

66

Ставя в пример свою тесную дружбу с мусульманином Маулана Магометом Али, Ганди свидетельствуют, что и он и его друг остаются верны своей вере. Ганди не отдал бы дочери своей замуж за сына Али, не разделил бы трапезы своего друга, и друг его поступил бы в свою очередь так же. Но это не мешает им любить друг друга и питать взаимное доверие. Ганди, однако, не настаивает, что смешанные браки между индусами и мусульманами и общие трапезы заслуживают проклятий; но понадобится целый век, чтобы состоялось такое слияние обоих народов. Политика, ставящая практические цели, не может добиваться подобной реформы. Ганди не ставит ей никаких препятствий, но считает ее преждевременной. Этим он еще раз доказывает свой здравый смысл и чувство действительности (20 октября 1921 г.).

27 октября 1920 г., 27 апреля 1921 г.

68

27 октября 1920 г.

69

С конца апреля презрение к «нечистым» ослабевает. Во многих деревнях парии живут среди прочих индусов, пользуются их правами (27 апреля 1921 г.). Зато в других округах, в частности в Мадрасе, их положение остается плачевным (29 сентября 1921 г.). Вопрос этот до сих пор стоит в порядке дня национальных индийских собраний. Еще Нагпурский Конгресс 6 декабря 1920 г. выразил пожелание, чтобы исчез «грех».

Ганди протестует против этого в «Joung India» (июнь 1921 г.).

71

12 мая 1920 г., 25 мая, 13 июля, 25 августа 1921 г.

72

8 декабря 1920 г.

73

16 марта 1921 г.

Letters from Abroad. Три письма от 2, 5 и 13 марта 1921 г. были опубликованы в Modern Review в мае 1921 г. Appel de la verite, написанный по возвращении Тагора в Индию, появился в Modern Review 1 октября 1921 г. Независимо от этой переписки Тагор, как нам известно, еще после своего возвращения имел личное свидание с Ганди. Ни одни из них не опубликовал об этом ни слова. Но Ч. Ф. Эндрьюс, который был единственным свидетелем этого свидания, пожелал сообщить нам о предметах спора обеих сторон.

Так поступает он в последних своих статьях, озаглавленных им: «Слишком священно, чтобы стать гласныме (9 февраля 1922 г.). — Тагор и Ганди знают друг друга давно. Ганди не раз гостил в Шантиникетане у Тагора. Он имел разрешение, говорит Ганди, считать этот дом своею обителью; и пока он находился в Англии, дети его воспитывались в этом доме.

76

12 мая 1920 г.

И позже он писал: „Честь я слава Махатме! Но наши политиканы не могут отказаться от мысли использовать его на шахматной доске для каких-то темных и замысловатых ходов в своей игре“ (1 октября 1921 г.).

Упанишады — древнейшие философские и теософские трактаты индусов; главная тема: „весь мир—только греза мировой души: кто постиг это, тот выше жизни и смерти“. *Прим. пер.*

79

5 марта 1921 г.

80

5 марта 1921 г.

81

5 марта 1921 г.

82

Майя — иллюзия, олицетворенная в виде богини; обман, обольщение людей. *Прим. перев.*

83

13 марта 1921 г. — Он возвращается к этой теме и развивает ее в статье „Союз Культур“ (Modem Beriew, ноябре 1921 г.).

84

Первое движение за индийский гомруль, вызванное в 1907–1908 гг. разделом Бенгалии.

85

5 марта 1921 г.

The Poet's Amiety (Тревоги Поэта), 1 июня 1921 г.

Т. е. те, кто покончил со своей личной жизнью, чтобы „принести Единство Человеку“.

88

Парафраз первого станса Упанишад.

89

The great sentinel — заглавие статьи от 13 октября 1921 г.

Да замолкнет поэт! *Прим. перев.*

The Gospel of Swadeshi, 1922 — Мадрас.

92

Аватар — воплощение переселяющейся души.

93

Религиозное предназначение.

Впрочем, здесь рассеяны также удивительные правила морали: никогда не мстить! „Что прошло, то прошло. Прошлое безвозвратно, оно стало частью вечности, у человека нет средства против него. Не помышляй о возмездии за прошлые несправедливости и обиды. Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов! В настоящем, которое живо, будем действовать, следуя указаниям нашего сердца и бога!“ — С начала и до» конца книги — холодное целомудрие снежных вершин.

Тагор должен был оказаться тем более чувствительным к подобным писаниям, что между Ашрамской школой Ганди (откуда вышло это Евангелие) и Шантиникетаном Тагора возникло соперничество, которого оба вождя силились избежать. Это заметно в статье от 9 февраля 1922 г. ***Joung India,*** Ганди жалуется там, что какой-то журналист приписал ему слова по поводу Ашрама, которые имеют обидный смысл для Шантиникетана. Он свидетельствует о своем уважении к дому Тагора, не без некоторого затаенного юмора. «Если бы мне пришлось решать о превосходстве того или другого, говорит он, то, если не считать дисциплины и раннего вставания в Ашраме, — я голосовал бы за Шантиннкетан. Он старший брат наш, значительно старше нас годами и мудростью». Но он тут же шаловливо добавляет: «пусть обитатели Шантиникетана боятся успехов маленького Ашрама!»

По моему мнению, Ганди такой же универсалист, как и Тагор, но по иному. Он универсалист по нравственному чувству, Тагор — по идее. Ганди никого не исключает из общей молитвы и повседневного труда. Так, апостолы раннего христианства не делали отличия между иудеями и язычниками, но всем предписывали один и тот же нравственный закон. Этого и хочет Ганди. Но здесь-то и сказывается его узость: но в сердце его, которое отличается той же широтой, что сердце Христа, но в идее интеллектуального аскетизма и самоотречения. (И это тоже от Христа!). Ганди — универсалист средневековья. Почитая его, мы душою с Тагором.

97

1 сентябрь 1921 г.

140 деревень, 87.000 жителей.

В тот же день *Jowuj India* опубликовывает этот ультиматум Индии еще в более резкой форме. Если вице-король не даст, ответа, приказ не будет взят обратно, общегражданское неповиновение должно быть проведено во что бы то ни стало, если бы даже большинство высказалось против него.

100

Здания, занимаемые полицией.

101

The Crime of Clwuri-Chaura (Преступление в Чаури-Чаура).

102

Моя вина.

Надо обратить внимание на эти слова, бросающие свет па мистическую силу этой_ души, запечатлевающей в себе малейшее волнение своего народа.

104

Для Ганди стало ясно, что часть его большинства, которое поддерживало непротивление злу насилием, втайне относилась к нему как к акту политическому, скрывавшему подготовление к восстанию. Они сладко говорят, замечает Ганди, что будут наносить лишь ненасильственные удары! Ганди понял опасную игру, которую давно заметил Тагор. И это угнетало его. Еще суровее, чем Тагор, он раскрывает теперь ее карты и откидывает ее забрало.

105

Если я буду арестован.

106

9 марта 1922 г.

107

The great Trial, 23 марта 1922 г. Young India.

108

«Если существование нашей Империи будет поставлено на карту, если британскому правительству помешают исполнить ее долг перед Индией, если воображают, что мы удалимся из Индии, то пусть Индия знает, что она безуспешно для себя вызывает на бой самый решительный народ в мире, который ответит па вызов со всей необходимой энергией».

109

От 19 сентября и 15 Декабря 1921 г. Первая касалась обвинения, предъявленного братьям Алл; вторая являлась ответом на вызывающую речь лорда Ридинга. В этих статьях мы находим точно такое же объявление «войны до конца». — «Мы хотим свергнуть правительство, заставить его покориться воле народа. Мы не просим пощады, мы не ожидаем ее…»

110

Издатель газеты Бенкер, который в течение всего процесса свято следовал примеру Махатмы и соглашался со всем, что тот говорил, был приговорен к одному году тюремного заключения — с уплатою штрафа.

111

Госпожа Кастурибаи Ганди объявила о приговоре мужчинам и женщинам Индии в чрезвычайно благородном послании, приглашая всех спокойно сосредоточить свои силы на осуществлении созидательной программы ее мужа.

112

Unity поместило (3 августа 1922) *Письмо из тюрьмы,* направленное против современной цивилизации; мне оно кажется апокрифическим. Я склонен видеть в нем подделку в духе старых его статей, заимствованных из *Hind Simmy*.

113

Гуру-Ка-Багх—святилище (Гурдвара) в 10 милях от Амритсара.

См. Manchester Guardian Weekly, 13 октября 1922 г.

115

Битва при Вальми закончилась победой французской революции. Прим. перев.

Что касается сторонников насильственной революции, то в Гайе их было мало, и они играли там лишь второстепенную роль.

117

Бланш Уотсон вычисляет (в Unity от 16 ноября 1922), «какие выгоды извлекла Индия из своего непротивления злу». Она утверждает, что внутренние доходы Индии сократились приблизительно на 76 миллионов долларов, и что бойкот английских тканей причинил Англии за год убыток в размере 20 миллионов долларов. Она определяет число арестованных за это время индусов в 30000 человек и доказывает, что весь административный механизм правительства пришел в полное расстройство. Но Бланш Уотсон — ярая поклонница гандизма и она склонна, конечно, бессознательно преувеличивать успехи движения. Другие настроены не столь радужно. Они говорят, что движение в пользу самопожертвования натыкается на эгоизм коммерческих слоев и состоятельных людей, и что много прошений об отставках, поданных в момент увлечений, взято обратно. Не соответствовало бы людским слабостям, если бы дело сложилось иначе. Во всякой революции многие отстают или возвращаются на старое место. Вопрос заключается в том, течет ли поток в своем глубоком русле. Вот важное и беспристрастное свидетельство, в правдивости которого нельзя сомневаться:

Manchester Guardian, известный своим просвещенным либерализмом, но представляющий могущественные интересы именно тех, кому непосредственно грозит опасность со стороны гандистского «Отказа от сотрудничества», произвела тщательную анкету по всей Индии. Результаты анкеты были опубликованы в целом ряде статей. Несмотря на отсутствие симпатии к гандитскому движению, что совершенно естественно со стороны газеты, и несмотря на определенное желание подавить его, чувствуется по тому беспокойству, которое в каждой статье все более и более возрастает, серьезность положения Англии. Я резюмирую заключительную статью, появившуюся 16 февраля 1923 г. (Manchester Guardian Weekly). Исследователь старается убедить себя, что гандистская тактика потерпела сильное поражение и что отказ от сотрудничества должен. быть реорганизован по новому плану… «Но, добавляет он, дух Отказа от сотрудничества жив. Мы встречаем повсюду, если не чистый гандизм, то недоверие к чужеземному правительству и страстное желание от него избавиться. Интеллигентные классы общества и горожане пропитаны этим духом. Риоты(крестьяне) затронуты им еще довольно поверхностно, но условия в деревне таковы, что в конце концов и она будет им захвачена. Армия кажется пока непричастной: но она рекрутируется в деревнях, и рано или

поздно она примкнет к движению. И притом этот дух Отказа от сотрудничества особенно силен среди самых лучших, даже среди умеренных. Умеренные только питают отвращение к революционным методам; но это отвращение не разделяется страной. Страна симпатизирует смелой решимости Отказа от сотрудничества больше, чем осторожности умеренных». Английский наблюдатель определяет десятком лет время, потребное для организации индийского крестьянства, до отказа в платеже налогов, до революции. Но до тех пор положение не перестанет ухудшаться; невозможно уже удержать индусов страхом тюрьмы: этого страха у них больше не существует; придется перейти к правительственным мерам более суровым, и они только усилят ненависть: «Возможно только мирное решение вопроса, если таковое еще имеется», надо, чтобы Англия взяла в свои руки инициативу индийского движения в пользу реформ. Но уже не половинчатых реформ, вроде тех, которые были установлены в 1919 г. и которые в течение целого года не удавалось ввести. Они уже недостаточны, а время не терпит. Пусть Англия созовет Индийский Национальный Конгресс, на котором будут представлены все интересы и все оттенки индийской мысли: начиная от Ганди и его учеников, вплоть до индийских князей и европейских капиталистов, мусульмане, индусы, парсы, евразийцы, христиане, парии… Пусть этот Конвент составит конституцию для Индии, автономной внутри Британской Империи, и пусть он наметит этапы для проведения в жизнь этого гомруля! Так, и только так, сможет быть предотвращен распад Империи.

Я не знаю, в какой мере для правительства Индии для английской бюрократии приемлем подобный проект, который Manchster Guardian энергично поддерживает вслед за своим корреспондентом. Я сильно сомневаюсь, чтобы Ганди и приверженцы отказа от сотрудничества согласились объединиться в одном собрании с европейскими и индийскими капиталистами! Но если что-либо мне кажется несомненным, так это то, что индийский гомруль в настоящее время не является вопросом. Так или иначе, но он неизбежен. И нет ничего более изумительного, чем перемена тона Англии в отношении индусов, с того момента, как началась деятельность Ганди. Презрения европейцев к индусам больше не существует. Морально Индия победила.

118

Цитата из наиболее древнего заклинания Шивы, в пьесе Мудра— Рйкшаса, напис. Вишакхадаттой.